

М. Касмалинский

ТЕБЕ ЖИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Макс Касмалинский

Тебе жить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68328676

SelfPub; 2022

Аннотация

Пьеса в трех действиях

В небольшом провинциальном городе существовала рок-группа, которая распалась. Через несколько лет музыканты встречаются вновь.

Содержит нецензурную брань.

Макс Касмалинский

Тебе жить

Действующие лица

Антон «Паныч» Панченко, безработный, на вид 33 -35 лет, лидер местной рок-группы «ДП», прекратившей свое существование.

Вадим «Геринг» Родзянко, менеджер, бывший соло-гитарист и бэк-вокалист рок-группы «ДП».

Владимир «Кент» Полянский, бизнесмен, барабанщик группы, 35 лет.

Карина, его жена, 33 года.

Юрий «Веник», Попов, бывший бас-гитарист группы «ДП». 33 года.

Анка, его жена лет 20-ти, в свое время поклонница рок-группы «ДП».

Иван Акимович, сосед Паныча, ветеран Великой Отечественной войны.

Директор.

Спонсор.

Рыжий слесарь.

Слесарь-блондин.

Действие происходит в небольшом провинциальном горо-

де, расположенном неподалеку от границы РФ с Казахстаном. Когда-то в этих краях шло освоение целинных земель, еще раньше сюда ссылали нелояльных лиц, а многие являлись сами, сбежав из Центральной России. В этом глухом городе, продуваемом сухими ветрами, как и во множестве других подобных, идет своя неспешная жизнь. Возле здания мэрии нередко пасутся телята, а белесый пастушок сидит неподалеку с ноутбуком на коленях и по скайпу разговаривает с родней в Ганновере. Здесь есть аристократия и чернь, мелкие буржуа, еще более мелкий пролетариат, оживает раз в пять лет местная политика, примерно с той же периодичностью возвращаются лидеры общественного мнения, украшенные татуировками высокого ранга. Городские газеты муссируют скандалы локального значения, публикуют разоблачительные статьи, в результате чего их закрывают, и пресса уходит в виртуальное пространство, где число подписчиков такого канала никогда не превысит численность населения города. Есть и культурная жизнь – театр, кино, музыканты. Несколько лет назад в городе пользовалась популярностью рок-группа со странным названием «Джамбулат против», исполняющая нечто в стиле «фолк-панк». По мнению многих, если бы этот коллектив работал в столичном городе, непременно имел бы широкую известность среди поклонников такой музыки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Антона Панченко. Интерьер словно из ситкома: справа вход с лестничной клетки, небольшая прихожая, где на стене приклеено несколько старых афиш группы «Джамбулат против», ведет в гостиную. Здесь в правой стене – дверь в санузел, слева – выход на балкон, прямо расположен вход в кухню, рядом закрытая дверь в спальню. В углу – компьютерный стол, а посередине комнаты за длинным низким столиком виден диван, несколько стульев.

1.

Летний день, солнце заливает гостиную, время обеденное. В квартиру тихо входит Вадим, он одет в летний костюм, через плечо спортивная сумка. Останавливается перед афишами на стене, улыбается, достает телефон, несколько раз фотографирует стену.

ВАДИМ. Двери настежь, никого не боится. Или некого бояться. (Громко) Эй! Есть кто живой?

Тишина. Вадим ставит сумку в прихожей, проходит в комнату.

Кто дома есть? Хозяйева!.. (Сам себе) ничего и не изменилось...

Прохаживается по комнате, трогает руками диван, выглядывает в окно. В это время приоткрывается дверь в ванную, оттуда выглядывает Паныч, он сидит на корточках, некоторое время наблюдает за Вадимом.

ПАНЫЧ (*негромко*). Ва-адик.

Вадим оборачивается, никого не видит, озирается.

Вадим-м!

Вадим смотрит вниз, замечает Паныча, делает несколько резких шагов, останавливается.

ВАДИМ. Антоша! Дружище, привет. (*После паузы, настороженно*). Ты в порядке?

ПАНЫЧ. Ага. Сижу, никого не трогаю, починая трубу.

ВАДИМ. Привет, дорогой. Сто лет не виделись.

ПАНЫЧ. Это были лучшие сто лет в моей жизни.

ВАДИМ (*усмехается*). Окей. Пусть так. А тебе долго еще ремонтировать?

Идет в прихожую, достает из сумки коробку с коньяком.

Понимаю, в косяках. У меня тут качественный алкоголь, готов просить прощения. Или у тебя мораторий?

ПАНЫЧ (*вернулся внутрь, его не видно*). Не знаю. Надо кости бросить на чет-нечет.

Вадим ставит бутылку на столик, подходит к двери.

ВАДИМ. Я знал, что будешь счастлив меня видеть. Но чтобы на коленях!

Открывает настежь дверь в ванную.

Может, встанете, уделите время гостю?

ПАНЫЧ. Пожалуйста.

Из двери струя воды обливает Вадима. Тот отскакивает.

ВАДИМ. Вау! Что такое.

ПАНЫЧ (*приказным тоном*). Сюда иди!

Вадим скрывается за дверью.

Тряпка! Руку! Держи! Зажимай. Крепко держи!

Паныч выбегает, скрывается на балконе, возвращается оттуда с деревяшкой в руке и ножом, начинает выстуговать.

ВАДИМ (*кричит*). Сказать не мог? Хорошо еще вода не горячая.

ПАНЫЧ. С чего ей быть горячей? (*Посмотрел на свет деревянную заготовку*). Не зима. Не четверг. (*Направляется в ванную*). Не день космонавтики.

Слышна возня, шипение воды, удары молотком по дереву. Потом возгласы «привет!», «здорово!», «дружище», «братан», «целоваться не будем!». Паныч и Вадим выходят в комнату в обнимку.

ВАДИМ. А ты как бы не удивился.

ПАНЫЧ (*отходит к балкону, кидает туда молоток*). Как обычно, в первый раз, совершенно неожиданно. Позволили добрые люди, сказали: ваш человек, негодный Геринг, шляется у нас по частному сектору. По улице Совхозной, в частности.

ВАДИМ (*снимает пиджак, вешает его на спинку стула*). Отчего негодный?

ПАНЫЧ. Так потерялся! Пропал, как не Геринг, как аж Борман. Я за тебя заскучал. Засосала Москва. Года три уже тишина. Ни телефона, ни всяких этих сетей. Зачем номер

сменил?

Вадим пожимает плечами.

Ладно, сейчас пацанам наберу. *(Берет со столика телефон).*

ВАДИМ *(останавливает)*. Оу-оу! Подожди, ребятам само собой, но у меня дело есть, такое конфиденциальное, что... Одним словом, надо переговорить тет-а-тет.

Оба садятся на диван. Паньч тычет кулаком в плечо друга, он рад, но виду не показывает.

(После паузы). Мне стало известно, что ты нуждаешься в крупной сумме денег.

ПАНЫЧ. Да? Но уже... А откуда тебе это известно? *(Грозит кулаком в сторону окна)*. Изведу стукача!

ВАДИМ. Я сам хоть и ушел с радаров, но о друзьях не забываю. Присматриваю за вами *(улыбается)* сорванцами. Особенно, как ты понимаешь, за тобой. Во-от. Я могу определенным образом поспособствовать.

Паньч складывает руки на груди, демонстрируя повышенное внимание.

Есть у меня для тебя банковская карта. ПИН-код на ней мой день рождения.

ПАНЫЧ *(с сарказмом)*. Естественно твой. *(Протягивает руку)*. Давай.

ВАДИМ. Ха! Не так просто. Не так просто.

ПАНЫЧ. И в чем сложность?

ВАДИМ. Предлагаю пройти квест.

ПАНЫЧ. Какой?

ВАДИМ. А помнишь, в детстве, я сижу с книжкой, а ты стебешься? Ты всегда надо мной насмеялся по поводу чтения? Типа, книгочей, и все такое. *(Изображает)*. Пойдем на улицу, чтец-малец, кого ты глаза только портишь.... Помнишь?

ПАНЫЧ. Дети мы были, чего там. Детям всегда нужен вратарь между сосен стоять. Такой мешок вроде тебя или этот... кто там в сборной сейчас?

ВАДИМ. Спорное мнение, между прочим. Это еще надо смотреть, кто мешок, а кто и... Джанлуиджи Буффон. Я не про сборную – про себя. С поправкой на возраст и местность.

ПАНЫЧ. Насчет карты и квеста.

ВАДИМ. Да. Так вот, *(встает)*. Карта, собственно, спрятана под самым старым высоким деревом, в одном из райончиков вашего городка.

ПАНЫЧ. Так их всего четыре. Я сейчас съезжу...

ВАДИМ. Я не про официальные, а про разные Забегаловки, и тому подобные.

ПАНЫЧ. Так это *(загибает пальцы, озадачивается)*. Это месяц валандаться!

ВАДИМ. Какое чудесное слово – валандаться! Отвык я за восемь лет от архаизмов и фольклора. Во-от! А в квесте – подсказка: в одном из рассказов писателя О, Генри упомянут город, название которого совпадает с бытовым наименованием одного из уголков здесь.

ПАНЫЧ. У него и у нас совпадает и это будет район. *(Пародирует)*. А там оно, дерево. Такое!

ВАДИМ. Самое взрослое.

ПАНЫЧ. Мгм! Мне делать больше нечего. Вадик! Что за цирк? Не буду я ничего искать. Тоже мне! Нашел дебила. Я тебя сейчас выгоню на хрен! Что я щегол тебе?

ВАДИМ. Как хочешь. Я просто через банк заберу обратно и все. *(Уговаривает)*. Ну, Антош, ну, игра, ты же любишь свои кости, чет-нечет.

ПАНЫЧ. Чего это за «Антош»?! Сроду меня так не звал...*(Издвательски)*. Приехал друг. *(Пауза)*. А с другой стороны, че бы нет? Прочтем все творчество известного ирландского писателя О, Генри. С завтрашнего дня начну. Да я, может, на первом рассказе вычислю. Поиграем! Тогда звоню парням? Ты открывай бутылку-то. Правда, у меня жрать нечего. *(Ворчит, уходя в кухню)*. Надо еще слесарей вызывать...

Вадим внимательно оглядывает комнату, идет в прихожую, возле афиши «Джамбулат против» беззвучно изображает игру на гитаре, трясет головой, как на сцене. Из сумки достает футболку, переодевается. Паныч возвращается с пакетом.

ПАНЫЧ. Яблоки есть. Местные, не магазин. Ими закусим пока.

ВАДИМ. Мытые?

ПАНЫЧ. Ну как мытые? С дерева. Хочешь – мой. Неж-

ные все стали.

Вадим уходит с яблоками в ванную.

А в детстве, помнишь, Геринг? Хавали даже с земли.

ВАДИМ (*кричит*). Я даже помню те огороды, где мы яблоки и сливы обносили.

ПАНЫЧ (*сам себе*). Не все еще потеряно.

Достает с полочки под столиком бокалы, тарелку. В это время возвращается Вадим.

Ты наливай. За встречу тогда, без длинных тостов. Подождем, пока все соберутся.

Сидя на диване, выпивают, хрустят яблоками.

ВАДИМ. Мы, дети конца восьмидесятых, последнее, наверное, поколение, кто знает эту древнюю забаву – чужие яблоки таскать. Особенно, типа, меня, я в своем доме жил, не то, что ты – на этаже. Помню, первый от тропинки сад у бабки Харитонихи был, там белый налив. Еще у Курыленок. Кравчуковский сад, мелкие такие – дичка, по первому морозу надо. Потом часто мы лазали, где дед Петро. Мы – это мы, ты – боялся.

ПАНЫЧ. Ибо собаки.

ВАДИМ. До сих пор с собаками не помирился?

ПАНЫЧ. Они меня не любят. Я – их. Это как с пьяными: я пока трезвый – а это где-то до одиннадцати утра – пьяных терпеть не могу. После меня бесят трезвые – скучные они, чего-то ходят туда-сюда, на машинах еще, работают, как ло-

хота, зачем-то.

ВАДИМ. Скучные, да. *(Пауза)*. А где Карина?

ПАНЫЧ. Карина, понимаешь ли, дома. Они сошлись с Вовкой.

Вадим безмолвно удивился.

Оно и к лучшему.

ВАДИМ. Да уж. А как родители?

ПАНЫЧ. Предки померли. От телевидения. Знаешь, такой смертельный вирус? Думали, Интернетом победили болезнь, и осталась она в Средних веках. Нет, оказалось.

ВАДИМ. Полагаю, не повод для юмора.

ПАНЫЧ. Все на свете есть повод для юмора. Абсолютно все! Вопрос только в месте разрыва репризы, а так.... Про меня не интересно, я за себя знаю. Ты-то как? Восемь годов в первопрестольной, как и что?

ВАДИМ. Не подумай, что я флексануть типа хочу, но, в принципе, неплохо складывается: работаю в крупной компании, не на последних ролях. И думаю – думаю! – в скором времени получить исключительно мощное повышение.

ПАНЫЧ *(прерывая)*. Я задал нормальный вопрос, а ты мне пургу несешь. Это моя племянница называет ответ на чеснок.

ВАДИМ. В смысле, по-чесноку?

ПАНЫЧ. Не, ЧЕСНОК. Большими буквами. Расшифровывается «Что Еще Сделать Надо для того, чтоб был окей». Ва-адик! Я не спрашивал, где ты денюжку берешь, я за жизнь

твою интересуюсь. Лабаешь? Поешь?

ВАДИМ (*смущаясь*). Да так, собираемся, репетируем. Ну, для себя, для себя. Команда... профессиональные ребята, способные. Но не то! Мы были друг за друга. Кстати, как наши?

ПАНЫЧ. Кент бизнесом занимается. По нашим меркам – крутой чувак, все у него, знаешь... А Веня в мэрии работает.

ВАДИМ. Музыка?

ПАНЫЧ (*делает неопределенный жест*). Бывает. Редко когда. У всех свои дела. У меня только нету. Сижу, струны терзаю.

ВАДИМ. А как с Кариной получилось?

ПАНЫЧ. С Кариной как раз не получилось. Перешла от гитариста к ударнику, хм-хм-хм. Тихо-мирно. А ты женат?

ВАДИМ. Как сказать... сходимся-расходимся. У меня работа – приоритет. Там такие пертурбации, и приходится иной раз отбросить совесть, интриговать. Информацию собирать, когда надо будет – (*зловещий жест*) эти сведения в ход. Или придержать. Легкий ненавязчивый шантаж – и собираешь служебные ништяки.

ПАНЫЧ. Да ты не Геринг! Ты – Штирлиц. Или аж сам Владимир Владимирович в лучшие свои годы.

ВАДИМ (*серьезно*). Для меня это нелестное сравнение. Совсем нелестное.

Пауза

Паныч внимательно смотрит на Вадима.

ПАНЫЧ. Погоди-погоди. Ва-адик... Ну-ка в глаза мне! Понятно, маде ин Москау, либер оппозиция. У-у! Ты серьезно? Из этих? Ща выгоню на хрен! Гляньте-ка! Он из этих!

ВАДИМ. Я сам по себе мальчик. Свой собственный. А что касается политической позиции, ... то да!

ПАНЫЧ Ясно. *(После паузы)*. Ух ты! Этот брутальный бунт нежных мальчиков? *(Встает, ходит по комнате)*. Хотел бы я сказать тебе, но все-таки скажу: это фуффло! Шляпа. Что вы там митингуете? Ходят они! Пролетариату нечего терять, кроме соцсетей! Дела-а! Цветную революцию мутите? А она то потухнет, то погаснет. *(Подходит к сидящему Вадиму)*. Вотсап – оружие либераст – ства!! *(Руку вперед)*. Свободу Юрию Деточкину!!

ВАДИМ. Чего ты возбудился? Сядь, пожалуйста. С этим что, проблемы? Мы теперь общаться не можем, если разные взгляды? Что за бред? Ты думай так, я по-другому... *(Тоже встает)*. В чем проблема, Паныч? Ты вспомни, как мы зарубались по разным вопросам. Ты вспомни, еще лет десять назад на кухнях, в гаражах, в этом самом, в телевизоре, Интернете были десятки мнений! Десятки! От коммунизма до монархизма, но! Это были нормальные взвешенные взгляды, и они были на будущее! Спорили обо всем – ничего. Тем более, о будущем! А сейчас? Где десятки мнений о будущем? Сейчас есть только два взгляда на прошлое. Все! Вся, блин, общественная мысль – скудная, убогая, примитивная. Два взгляда, три маркера: диктатор, война, полуостров. И по

этим ущербным вопросам из прошлого вдруг как-то все разделились, вдруг надо кого-то ненавидеть! Ты же всегда был вне политики.

Пауза.

Паныч трет подбородок, шарит в кармане.

А вспомни мой доклад в школе? Какэто? (*Изображая детский голос*). В качестве героя второй мировой войны я выбираю такую фигуру, как маршал Геринг, командующий Люфтваффе. (*Невесело смеется*). И что? Меня не затравили, в детскую комнату полиции не повели. Только вы кликуху прилепили – все последствия. А сегодня попробуй. Сегодня – с последствиями. Это нормально?

Паныч. Пойду, покурю. (*Уходит на лестничную площадку*).

Вадим. Вата! (*Берет яблоко, ест с ножа*).

Спустя минуты возвращается Паныч.

ПАНЫЧ. Если и есть чувак в этом мире, который меня может убедить! То их нет. Но! (*Подходит к дивану*). Ты прав совершенно. Наши взгляды разные, и это ни разу не повод рушить дружбу. Ага, одни хотят в будущее, где Алиса Селезнева, другие – где Дарт Вейдер. Никто не доживет. А я – поэт – и ты прав – вне политики. Наливай!

Оба сидят на диване, выпивают, закусывают яблоками.

ПАНЫЧ. Ох, Москва-Москва! Портит она людей... (*Делает вид, что потрясен догадкой*). Вадик. (*Шепотом*) А мо-

жет ты еще и... Гей? (*Демонстративно отодвигается от Вадима*).

ВАДИМ (*с незаметной ухмылкой*). Это зависит от того, как ты сейчас относишься к ним?

ПАНЫЧ (*подумав*). Ну-у, к инаковости... Есть такое слово? К любой инаковости умный человек относится с любопытством, глупый – с ненавистью. А я, поскольку не глупый... и не умный, я – гений, то отношусь, как к вегетарианцам. Может, не очень понимаю, но это – не мое собачье дело.

ВАДИМ (*после паузы*). Я – не гей.

ПАНЫЧ. Аж жаль. (*Дурашливо*). Жалко-то как, охо-хо... что ж делать теперь? Пожалуй, утоплюсь. В дорогом коньяке.

ВАДИМ. Вот тебе одна из причин, по которой я отключился от связи с тобой, с вами. Есть такая штука: общаешься, звонишь, переписываешься, а потом, когда встретились лично – поговорить не о чем. Друг о друге все известно. Такие дела. Правда, приехать сюда я планировал в позапрошлом.

ПАНЫЧ. Мы в позапрошлом твоих помянули. На кладбище прибрались, выпили. Был там?

Вадим кивает и оставляет голову склоненной.

А на Совхозную пошел – дом свой посмотреть?

ВАДИМ. Конечно. Дом – другой, обшитый... Забор новый. Черемуху спилили.... Зато знаешь! Беседка сохранилась, там, где две лавочки, помнишь? В конце улицы, где скверик... так, еле не слеза не скатилась. Хотя, что я? Скатилась. Слеза.

ПАНЫЧ. Ностальгия?

ВАДИМ. Если только по детству. Жить бы я здесь не смог.

ПАНЫЧ. Когда-то мог.

ВАДИМ. Паныч! Я понимаю – ты любишь этот город. Но мне теперь вообще непонятно, как здесь люди живут. Это же туфли приличные не купить, галстук не купить. Заведений приличных нет. Кошмар! Это только в рубище одеваться, питаться чем попало. А ты даже яблоки, смотрю, не можешь. Я люблю, чтобы в ресторан, в отдельный кабинет, чтобы в уединении...

ПАНЫЧ. На лбу!

ВАДИМ. (*Трогая себя за бровь*). Что там?

ПАНЫЧ. На лбу твоём написано симпатическими чернилами – потребительский эскапизм!

ВАДИМ (*после раздумий*). Согласен. Есть такое. Незначительно, но есть. Слушай! А что-то сегодня людей много на улицах. Толпы. Я... кхм, грешным делом думал, что меня признают. Без ложной скромности надо сказать – мы были очень популярны.

ПАНЫЧ. Узнали?

ВАДИМ. Нет, как ни странно. Однако, следует учесть, что много времени прошло.

ПАНЫЧ. А меня узнают.

ВАДИМ. Так ты и пел.

ПАНЫЧ. Так ты тоже пел. Кстати, Веника нормально узнают. Кента – редко, не видно его было за установкой, зато

знают его по теперешнему статусу. А народ на улицах – это у нас нынче день города в последнее воскресенье лета.

Раздается два громких тяжелых удара по двери.

*Трубный голос: Й-его сиятельство! Гра-аф Бэкингем Во-
вка Полянский!! обладатель «Грэмми» и кубка либертадо-
рес! властитель кентский!! Собственной персоной!*

2.

*Танцующей походкой входит Кент. Он ведет себя так,
словно позирует для киносъёмки.*

КЕНТ. Салам алейкум, православные! Ясновельможному
пану и херру рейхсмаршалу наш респектабельный шолом!

ПАНЫЧ. Ты как вошел?

КЕНТ. Ключ! Ключ у меня есть. Забыл? А это кто? Сам!
(Прикрывает рукой глаза, отклоняется назад). Не может
быть! О-о!! Дражайший Вадим Александрович! Бесконечно
рад вас лицезреть!

*Кент обнимает Вадима, за спиной последнего показывая
Панычу большой палец.*

От бесконечной радости лицезрения даже зубы лицемерно
заболели в труднодоступных местах.

Вадим высвобождается от объятий.

ВАДИМ. Что ты несешь?

КЕНТ. Если вы не зрозумивши, я вас приветствую на
хармсяцком языке.

ВАДИМ. А-а! Ты все на абсурде в теме Даниила Хармса. Стабильно, че. Консервативно.

КЕНТ. Горбатого могила исправит. Но сказано в сокровенных книгах: кто горбат, тот непременно верблюд каштановый есть! В горбах его огненная вода, зовут Анатолий. Личность во всех отношениях замечательная, один раз писал письмо министру просвещения, и знаете что?

ПАНЫЧ. Что?

КЕНТ. Не ответили. Вадим Александрович, давайте еще раз руками пожамкаемся для закрепления, так сказать.

Вадим протянул обе руки, на которых Кент неожиданно захлопнул наручники.

КЕНТ. Концерт окончен. Переходим в суровую реальность.

ВАДИМ. Ты чего?

КЕНТ (*жестко*). Сидеть!

Толкает Вадима на стул. Тот кривит губы, думая, что шутка.

Паныч присоединяется к Кенту, они держат Вадима.

Есть веревка?

ПАНЫЧ. Откуда?

КЕНТ. Ремень давай. Сиди, Вадик. Сиди тихо.

ВАДИМ. Ты чего устраиваешь!?! Приколы твои...

Паныч затягивает ремень на теле Вадима, привязывая его к спинке стула.

ВАДИМ. Антон...

КЕНТ. Тихо будь! Надо бы рот заткнуть, а? (*Выщелкивает лезвие складного ножа*). Паныч, я говорю рот бы заткнуть, заорет.

ПАНЫЧ. Я ему заору. Вадик, ты же не будешь орать? Молчи! Кивни, мой хороший. Ага, молодец. Многое изменилось в городе Вадик. Поэтому в твоих интересах сотрудничать. Где та карта? Ты привез банковскую карту, спрятал в городе. Где она?

ВАДИМ. Развяжи меня!! Охерел совсем!! Пошутили – хватит.

ПАНЫЧ. Слышал, Вован! Он думает тут шутки.

КЕНТ. Они думают – шутки! Они думают – им яицы не отрежут. Мурлык, Вадос-мокрый нос! Вообще не приколы. Ты лучше отвечай на вопросы, иначе навеки отправишься в фешенебельное небытие. (*Панычу*). В прихожей его сумка?

ПАНЫЧ. После продыбаем. Вадим, не заставляй применять к тебе меры. Мне это будет неприятно, все-таки бывший друг.

КЕНТ. Ну, Веню ты, положим, застрелил без рефлексии.

ВАДИМ (*слабым голосом*). Вы что, парни?

ПАНЫЧ. Вопрос первый насчет карточки. Вопрос второй: кто за тебя заплатит выкуп? Вдох-выдох, подумай.

ВАДИМ (*переводя взгляд с одного на другого*). Пацаны...

КЕНТ. Мы тебе не пацаны! (*Машет ножом*). Предатель! Коллаборационист! Переметнулся к федералам, а потом та-

кой приехал, здарсьте, это я. У нас тут, Вадик, уже два года своя власть. Верней, анархистская республика. К нам так просто...

ПАНЫЧ (*прерывая*). Лишнего не говори! (*Вадиму*). Ты думай, Геринг, думай. Сам сказал – крупная компания, ценный сотрудник. Ты нам денежку, мы тебе.... А что мы тебе? Обещать ничего не буду. Пусть ЧК с ним решает. Да, товарищ Кент?

КЕНТ (*рассматривая бутылку коньяка*). Хотел чекушкой отделаться. Маленький наивный Геринг.

ПАНЫЧ. Все, Геринг! Пришел твой Нюрнберг.

ВАДИМ. Парни, перестаньте. Что это?!

КЕНТ. Не ори!

ПАНЫЧ. Да пусть орет! Толку-то? Он, поди, думает полиция приедет. Мы и есть полиция, понял? И единственная власть, которая здесь... как там, товарищ Кент?

КЕНТ (*выплюнул на руку пробку от бутылки, налил в стакан*). Единственная власть – Совет четырех степеней. И его исполнительный орган – чэка. Советская власть без жидов и коммунистов. Ждали-ждали больше ста лет. (*Поднимает бокал*). За анархию! (*Выпивает*). А что закусить нечего?

ПАНЫЧ. Я хаваю в «Астории», здесь откуда? Нет! Как удачно сложилось! На минутку заскочил на эту квартиру, а тут еще краник на трубе сорвало. И тут он – гусь. Да жирный гусь! (*Вадиму*). Вадик, ты жирный гусь?

ВАДИМ (*зашкаясь*). Антон! Вовчик! Вы чего? Я хотел

пошутить, чтоб игра.., квест... Ну, хотите – забирайте, я в книжку положил. В книжку старую и завернул и закопал на Топазе, где бывший раньше был закрытый магазин маленький «Огонек»...

ПАНЫЧ. Умолкни! Карточка, она карточка. О выкупе думай, иначе найдут твоё тело весной в Черемшанке. Короче, думай. (*Кенту*). Отойдем.

Паныч и Кент отходят к балконной двери.

Насчет тела, правда, надо что-то решать. Не сегодня, так завтра вопрос встанет.

КЕНТ. Что ты предлагаешь?

ПАНЫЧ. Болгарка есть?

ВАДИМ. Ребята...

КЕНТ. Я больше расчленять никого не буду!

ПАНЫЧ. А кто, я? Я этих кишкочков не выношу.

КЕНТ. Тогда делаем так...

3.

В комнату входит Карина.

КАРИНА. Здра... вы что тут устроили? Привет, Вадим. Почему в наручниках? Садо-мазо по случаю встречи? Я жду объяснений

Кент и Паныч переглядываются.

КЕНТ. Мы пошутить хотели.

Паныч подходит к стулу, развязывает Вадима. Следом подходит Кент, достает из кармана ключ, расстегивает

наручники.

Шутка, Вадик, невинный розыгрыш. (*Карине*). Вечно ты все испортишь.

ПАНЫЧ. Вставай, брат Геринг.

ВАДИМ. Хы... можно подумать... так себе развод, пацаны. Кто в этот бред поверит?

КЕНТ. Ты ж поверил. Губы вон, синие.

ВАДИМ. Идиоты!

Вадим уходит в ванную.

ПАНЫЧ (*смеется*). Ты, конечно, дал! Советская власть, ха-ха! Анархистская республика.

КЕНТ. Ну, как-то так. Что взбрело. Кино недавно видел про батьку Махно.

КАРИНА. Вы что устроили? Человек приехал, а вы?

ПАНЫЧ. Он первый начал.

КАРИНА. Антон! Ладно, этот бивень, но ты-то! Довели бы до инфаркта, дальше что?

Карина подошла и ударила обеими руками Паныча и Кента.

Дебилы!

ПАНЫЧ. Суровая у нас жена.

КЕНТ. Как говорил Экклезиаст: не бойся немцев, не бойся казахов, остерегайся метисок. Это ж кровь Чингисхана с кровью Фридриха Великого – вулкан.

Вернулся Вадим, сел на диван, стал разливать коньяк.

ВАДИМ. Рофлите вы, парни, отчаянно. На одну только

секунду,.. но чуть не поверил... А где еще бокалы, Антон?..
Хм, кончилось.

КЕНТ. Я же привез несколько бутылок. Как несколько? Двенадцать. Сейчас принесу. *(Идет в прихожую)*.

ПАНЫЧ *(садится рядом с Вадимом, достает из-под столешницы бокалы и стопки)*. Карин, сама посуду: узнав, что я в деньгах нуждаюсь, приехал лучший друг...

КЕНТ *(кричит с нарочитой ревностью)*. Это еще вопрос, кто лучший!

ПАНЫЧ. Он – лучший, ты – ближайший. Приехал, говорит: на тебе, дружище денег. На банковской карте. Только я ее тебе не отдам. Прикинь? Разгадай загадку, на дубе сундук, в сундуке заяц, в зайце утка. Подстава? Подстава. А мы немного развернули ситуацию. Заметь, с объяснимой целью – поржать.

КЕНТ *(подойдя к столу)*. И загадку разгадали. *(Подает Панычу пакет)*. Хорошо я мимо ехал, когда ты мне написал.

Вадим смотрит на пакет, который разворачивает Паныч. Там оказалась книга.

ПАНЫЧ *(Карине)*. Вадик хотел меня к чтению сподвигнуть. Но он, поскольку, безнадежный эмигрант, многого не знает. *(Поднимает книжку)*. О, Генри, рассказы. И я сразу понял, что Топаз-сити из рассказа, по-моему «Последний трубадур», – это в нашем городе район «Топаз», где товарищество... кого-то там, каких-то пазов.

КЕНТ. Пассажирских там чего-то. Улицы Заречная, По-

левая.

ПАНЫЧ. Ага. И я, сразу сообразив, пишу Вовке, чтобы он этот пакет выкопал. *(Раскрывает книгу, оттуда падает пластиковая карточка)*. Так что рассуди, Карина. По-моему все честно, счет один-один.

КАРИНА. Дураки вы все трое, одним миром мазаны. Вадим! Рада тебя видеть.

ВАДИМ. Признаю, ответка носила справедливый характер, однако же...

КЕНТ. Без «однако»! Проехали тему?

ВАДИМ. Проехали. Одним миром, правильно, Карина, с теми же приколами и зашкварами.

ПАНЫЧ. Дружба – это не только взаимное признание достоинств, но и принятие недостатков.

КЕНТ. Мудрые слова. Как будто из пивного магазина.

ВАДИМ. Карина! Беспощадно выглядишь. Я тоже очень рад тебя видеть.

Карина кивает, разглядывает этикетку на бутылке красного вина.

Кент отнес бутылки в холодильник, а вернувшись, ерошит волосы Вадима.

4.

Быстрым, летящим шагом входит Анка, за ней Веник с пакетами и свертками в руках.

АНКА. У вас открыто. *(Видит Вадима, бросается ему на*

шею целует возле губ). Здравствуй, Вадим.

ВАДИМ (*невероятно удивленный*). Привет.

ВЕНИК (*ставя поклажу на стол*). Здорово, Геринг. Это жена моя, Аня. Вряд ли ты ее помнишь. (*Здороваются, обнимаются*).

ВАДИМ. Нет, я помню. Анка! Ну, конечно! Ты такая была...

АНКА. Мелкая? Была. (*Шуришит пакетами, выставляет еду на столик*). Я тут на скорую руку приготовила. А то вы с магазинной еды и не закусите нормально. Антон живет на шаурме и пирожках с капустой.

ПАНЫЧ. Ибо вкусно. И быстро.

АНКА. Домашнее – лучше. (*Вадиму*). Приходится следить, подкармливать, пока он не ушел в страну гастрита, как Юра говорит. Говорит, а сам такой же.

КАРИНА (*тихо Кенту*). Надо было мне сказать, я бы тоже приготовила на скорую руку. Я ведь умею.

КЕНТ. Умеешь-умеешь.

ВАДИМ (*Паньчу вполголоса*). Это можно определить, как мечты сбываются. Самая лютая наша фанатка вышла замуж за нашего музыканта.

ПАНЫЧ (*передразнивая*). Наша, наш. Ты, как породистых собак на случку. За своего музыканта! Своего. И отличного бас-гитариста.

ВАДИМ. Это бесспорно.

Накрыли стол, расселись. Веник и Анка на стульях,

остальные кое-как вместились на диван. Вадим то присаживался на подлокотник, то ходил вокруг. Карина с бокалом вина в руке сидит с краю дивана с отрешенным видом. Кент руководит застольем, разливает, предлагает.

ПАНЫЧ. У всех налито? На правах хозяина...

ВАДИМ (*перебивает*). На правах гостя! Я первый! Есть возражения? Тост! Даже не тост, тост, разумеется, за встречу. Скажу, что я очень рад вас всех видеть, что, будучи в отсуствии,, часто представлял этот день, ждал его. Я ко всем вам очень хорошо отношусь, вы знаете. Очень рад, что за восемь лет никто почти не изменился, (*в сторону Карины*), а кто-то непонятным образом даже помолодел.

КЕНТ (*ворчливо*). Меня спроси, каким образом кто молодеет.

ПАНЫЧ. И меня. Чуть-чуть.

ВАДИМ. Во-от! Главное, мы живы, мы вместе. Группа «Джамбулат против», хотя бы за столом, воссоединилась, и также прекрасные девчонки! За вас! За нас! Вот, я очень рад.

Все сдвигают бокалы, выпивают, заедают.

АНКА. Карина, попробуй вот эту.

КАРИНА. Спасибо, все очень вкусно.

ПАНЫЧ. Может окно отрыть?

КЕНТ. Там духота еще хлеще. Лучше шторы опустить.

КАРИНА (*обернувшись к окну*). А где шторы?

ПАНЫЧ. Пропил.

АНКА. Дождь бы прошел. Лето в этом году какое-то

слишком жаркое и сухое.

КЕНТ. Не то слово! Пекло какое-то высунулось.

АНКА. Вадим, расскажи про свою столичную жизнь.

ВАДИМ. Нечего рассказывать, друг Анка, нечего. Твой-то почему понурый? Веник! Чего молчишь.

ПАНЫЧ. Где ты видел говорливого басиста?

ВЕНИК. А что сказать? Спросить тебя: каким ветром? Так вижу (*трогает пиджак, висящий на спинке соседнего стула*). Ветер был с дождем. Муссон, наверное.

КЕНТ. Мурлык, блин, водку после коньяка! Недальновидно это.

КАРИНА. А ты не увлекайся. (*Антону*). Ты тоже.

КЕНТ(*Паньчу*). Не, видел супруга у нас!? Теперь я понимаю, почему ты ее мне сплавил. (*Карине*) Добродетельная сеньора! Мы к крепким напиткам никакой тяги ни имеем. Мы, как есть народные патриоты, и пристрастны пить исключительно сусло. Но непосредственно из ковша. Нам эти рюмахи...

ПАНЫЧ. А мы, помнишь, пили из ковша? Восьмое марта было. Веселенькое было загулье, кураж и копоть. Они там, в Москве так не могут.

КЕНТ. Куда им?

ВЕНИК. Я думал, будет все ништяк и с водкою мешал коньяк. Лежал наутро, как тюфяк, ловя ужасный отходняк.

АНКА (*Вадиму, словно жалуясь*). Вот так и живем. Молчит по несколько дней подряд, а если что-то скажет, то стиш-

КОМ.

ВАДИМ. Так ты не пьешь, я вижу, брат.

Веник. Нет. Я минералочку.

КАРИНА. Еще бы и он выпил. Уйдут вдвоем в штопор, и доставай их потом из Нур-Султана. Да, Антон?

ПАНЫЧ. Что делать? Необуздан я в желаниях своих. Наливайте!

ВАДИМ (*Венику*). Я рад, что у тебя с работой так все замечательно сложилось. Ты же чиновник? Нормально получаешь?

Воцарилось молчание..

ПАНЫЧ (*с неловкостью*). Ты, Геринг, немного неправильно понял. М-м, Веня шофером в мэрии работает. Возит начальника отдела ЖКХ.

ВЕНИК. И что? Ну. Я, зато знаешь про него сколько всего знаю?! Я если, что – мгм.

КЕНТ. Знаешь, братан, знаешь. Как, впрочем, весь город, страна, а также Гаага и Тугозвоново.

ПАНЫЧ. Теперь можно на правах хозяина? Предлагаю тост за Вадима, известного в рок-н-рольных кругах, как Геринг. Музыканта и друга. За то, что он приехал, наконец. Этого парня я знаю давно и только с лучшей стороны. С дошкольного возраста мы знакомы. Учились вместе, школа, универы разные, но нас не развело. Играли в группе, к которой все присутствующие имеют прямое отношение. И это именно Вадик переключал каналы, когда спортивный ком-

ментатор дал нам название – «Джамбулат против». Так что давайте... и я надеюсь мы когда-нибудь – чем черт не шутит – еще соберемся и выдадим несколько старых хитов. Давайте за Вадима!

Сдвинули бокалы, выпили, Паньч не закусывал, сдавленным голосом закончил

Хотя он и стал теперь либералом-оппозиционером!

КЕНТ (*съедая с вилки огурец*). Кто бы мог подумать? С виду был здоровый, как лось.

ВАДИМ. А тебя напрягает?

КЕНТ. Да не то слово! Меня это не то, что напрягает! Меня это... не трогает никак.

ВАДИМ. Веня?

ВЕНИК. А?

ВАДИМ. Ты как к оппозиции?

ВЕНИК. Я? Это ваши московские разборки. Мы здесь не при делах. Наш край – рядовой в этом строю. Сегодня нам говорят: те – уроды и враги. Мы – так точно. Завтра скажут, что те – першие кореша Мы под козырек. Тем более, так уже было. А оппозиция... плохо, наверное.

ВАДИМ. Вы чего? А как же это – свобода человека выше всего?! Эй, рок-н-рольщики!

Паньч, Кент и Веник переглянулись друг с другом по очереди.

КЕНТ. Так-то да.

ПАНЫЧ. Ну, это так, но западники, они ж против страны,

исконной России. Они идеализируют свою Европу. Гейропу.

ВАДИМ (*медленно ходит по комнате*). Правильно! Да. Вечное дело – славянофилы и западники. Ах, плохие западники! Они идеализируют, видят модель для подражания в северной Гейропе, где Англия, Голландия, Швеция. А вот славянофилы видят эту модель в Гейропе южной. Византия с православием, Крым с великим ханом, Испания в какой-то момент... Про третий Рим – в Болгарии сперли. Так что откуда не посмотри – Гейропа. А вы откройте Википедию, взгляните, когда была промышленная революция в Англии, когда в России. Первая промышленная революция, вторая, посмотрите, как третью проспали. Почему? А мы не такие! Мы не хотим. У нас тут свои измышления! Научно-технический прогресс – одна сторона медали. И я не говорю о том, что между хабеас корпус акт и аналогичными нормами у нас – триста лет разницы. Но временной зазор между Вивальди и Чайковским! Между Пушкиным и Данте, Шекспиром и Толстым. Мы глупее их? Да нет. Мы не такие! Спесь! Неоправданная, безосновательная спесь! Зачем? Ведь куда проще! Все уже придумано, бери, внедряй. Направление известно.

КЕНТ (*Паньчу*). Грамотно поет.

ВАДИМ. Но характер! Самообожание массовое, высокомерие, великодержавная спесь. Дети! Страны, как дети, которые идут через поле. Через широкое бескрайнее поле дети компанией шагают на речку. Идут-идут, но вдруг один пацаненок останавливается, падает на задницу, гундит: а я

не пойду! Все останавливаются: «Ванька, вставай! Пошли, там прохлада, там вода!». А Ваня: «Не хосю купаца, не пойду!». И пальцем в земле ковыряется и смотрит незаметно на друзей, как они будут его уговаривать. А те уговаривали какое-то время – надоело. Да и ладно, пусть сидит, пошли ребята. И уходят. Ванька остался один. Скучно. Ловил кузнечиков, жучков. Разрушил нору суслика. Нашел в высокой траве гнездо, оторвал головы птенцам. Смотрит, а остальные уже далеко. Тогда Ванька вскакивает и бегом за компанией, придерживая штанишки, сбивая в кровь босые ноги. Догоняет, идут вместе, а потом все повторяется. Я не пойду!

КЕНТ. Брезгливая диалектика.

ВЕНИК (*глядя в стол*). Громко огрел словестною плеткой, теперь тихо преешь за ржавой решеткой. Ты помещен в барак этот скотский, где срок свой гвоздем выцарапывал Бродский. Тюремный хомут, та-та, та-та рожи... Поймут та-та-та чего-то попозже. (*Поднимает голову*). Я читал это все. Про Шекспира и Толстого. И помню эту метафору про детей. Листал листы. У меня, у родаков большая коробка советского самиздата. Я им баню топлю.

КЕНТ (*Паньчу*). А, нет. Все-таки бэк-вокал.

ВАДИМ (*машет рукой*). Я на эксклюзив не претендую. Но расклад вижу так. (*Пауза*). Тоже так.

ВЕНИК. Волгоградский «Ротор». Где он сейчас?

ПАНЫЧ. Чего вдруг вспомнил?

ВЕНИК. Когда московский «Спартак» выигрывал по Рос-

сии, Вадик болел за волгоградский «Ротор». Лишь бы против. Вся его оппозиция – лишь бы против. Завтра скажут: мы – Запад, ура однополым бракам, Геринг станет первым мракобесом. В кокошнике.

ВАДИМ (*улыбается*). Так мы были кто? «Джамбулат против». Егора Летова слова: «я всегда буду против».

ПАНЫЧ. Еще и Егора приплел.

КЕНТ (*Карине*). Свой взгляд на Барсика.

АНКА (*восхищенно*). Как хорошо вы друг друга знаете! Замечательно.

КАРИНА. Они похожи. Они может даже один и тот же. Клоны.

ВАДИМ (*скрывая раздражение*). Тогда, Кариночка, становятся понятны и твои... короче, понятно все с тобой.

ВЕНИК (*мрачно*). Не только с ней.

КЕНТ (*бодро*). Позвольте резюмировать? Наливаем! (*Встает*). Резюмирую: несмотря ни на что, мы остаемся вместе, остаемся близкими... Нет, ближними. Кто такие близкие? Это родня, коллеги, партнеры, те, с кем волей-неволей общаешься. Ближние – это энергетический уровень, это совпадение эфирных колебаний, колебаний души. И можно по восемь лет не видеться, а потом встречаешься и – все опять совпадает. Ничего не может нарушить. Я вот имею с Герингом политические разногласия, с Панычем у нас (*кладет руку на плечо Карины*) вот это, а с Веником... поставленная на паузу кровавая вендетта, по причине ко-

личества сахара в кофе, но! Мы были, есть, остаемся, потому что есть нечто выше всего, нечто мистическое. Называют дружбой, дружба ли? Не знаю. Слово затертое. В общем, за нас. И за присутствующих дам!

КАРИНА. Спасибо, вспомнил.

Все выпивают.

ВАДИМ (после паузы). Если бы довелось исполнять прежним составом, я бы играл... (Панычу). Помнишь? Подвальный концерт.

ПАНЫЧ. Помню.

ВАДИМ. Дали мы там импровизации! И, по-моему, снимали. Снимали же! На камеру еще. Вот бы посмотреть. Антох, сохранились носители с того безобразия?

ПАНЫЧ. Где-то валяются.

ВАДИМ. Так может, найдем?

ПАНЫЧ. Зачем искать? Я и так могу сыграть.

КАРИНА. Сыграй, Антон.

КЕНТ. Еще не в той дозе. Нам до песен надо еще накернить раз несколько.

АНКА. Давайте! Давайте-давайте!

Паныч сходил в спальню, вернулся с гитарой. Быстро подстроил струны и запел, аккомпанируя гитарным боем. Анка встала и пританцовывала возле стула. Кент изображал игру на барабанах, Веник – на бас-гитаре. Вадим подпевал, сбиваясь на словах. Песню прервал металлический стук по батарее.

КАРИНА. Соседи.

КЕНТ. Время детское. Чего неймется?

ПАНЫЧ. А теперь так. (*Запел*). Темная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают. (*Раздалось два удара по батарее в ритм песни*). В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь. И у детской кровати тайком ты слезу утираешь. (*В батарею опять подыграли*). Как я люблю глубину твоих ласковых глаз (*замолчал*).

ВЕНИК. Хорошая песня все же.

ПАНЫЧ. Да, хорошая песня. Гениальная. А представьте, ее написал бы не член богемной тусовки Никита Богословский, а кто-то... Кто-то из провинции. Не узнали бы мы эту песню. (*Убирает гитару за диван*). Да наверняка и писали! Сочиняли, играли, может лучше, талантливее. Им – красный свет! И сейчас – нет, я не про себя – и сейчас в провинциальных городах поют, играют вещи в тысячу раз превосходящие то, что мы видим в мейнстриме... невиданное новаторство, поиск, эксперимент. И может уже создано что-то, переворачивающее обыденные представления, обрушающее штампы и клише, но никогда не выйдет это к широкой публике. В глуши, по мнению владельцев радио и студий, ничего родится не способно. В провинции – мрак, все таланты в двух городах. В трех-четырех. И все! Что странно, интернет не помогает, интернет тоже продвигает своих. Сколько талантов остается неизвестными только потому, что их угораздило ро-

даться, скажем, в Сибири, на Дальнем Востоке. Да, выбиваются, но выбиваются те, кто собрал чемоданы и уехал. С родины уехал, покори́л Москву. Но не у всех такая возможность. Да что там! Не у всех такое желание – уехать... Курт Кобейн прокричал на весь мир из Сиэтла. Условный Коля Кабанов никогда не докричится из Якутска. Гибнут, гибнут, спиваются, или хуже – бросают, опускают руки, каменеют в семье, в работе, в быту. И мировая культура – да, мировая, всеобщая! – от этого становится скуднее. Я не только про музыку... Литература, живопись. Провинциальное признание? Вряд ли утешит художника. Но слушатель или зритель, читатель всегда отдаст предпочтение тем (*показывает рукой в сторону*) столичным, никогда своим. Музыка,.. звуковая волна рассеется в атмосфере, гениальные тексты провинции, поразят нескольких человек и забудутся, пейзажи и натюрморты будут утилизированы. Обреченный на безвестность уговорит себя тем, что искусство, мол, самодостаточно, творчество свободно, созидание само по себе ценно. Даже бесценно... Но много ли стоит шеф-повар, который готовит, но сам же и ест? А как понять такому повару, что он гастрономический гений? Или бездарность, неважно. Кто-то из древних сказал: познай себя. Но есть такие области, где сам себя не познаешь, нужна обратная связь. А ее нет. (*Пауза*). Веник, сходи, дверь открой, тебе ближе всех.

ВЕНИК. Так не звонил никто.

ПАНЫЧ. А ты открой.

Веник, нехотя, встал и направился к входной двери.

КЕНТ. Не грусти, старик. Провинция еще себя покажет. Москва-то ихняя (*мотает головой в сторону Вадима*) тоже не рай. Не просто. И кстати, как принц чингизид по линии тещи, помню Москву захоластным улусом, в черт знает где нашей империи (*обнимает Карину*). Правильно я говорю?

ПАНЫЧ. Не в Москве дело! Дело в том, что наши, что мы, смотрим восторженно в центр. На их предпочтения, моду и тренды. К ним без критики, а своих не ценим.

АНКА. Уж кого-кого, а вас очень ценят.

КЕНТ. Голосок из фанатского сектора не может соврать.

5.

Шаркая тапочками, в комнату медленно вошел очень старый, но еще крепкий человек – Иван Акимович. Следом идет Веник, кажется, он страхует старика от падения назад.

ИВАН АКИМОВИЧ. Позывные услышал, пришел.

ПАНЫЧ. Здравия желаю, Акимыч. К нашему банкету. Прошу.

Все в разной позе здороваются с соседом. Иван Акимович присаживается на стул Веника, щиплет Анку, она взвизгивает. Веник и Вадим остаются стоять.

ИВАН АКИМОВИЧ. Плескай тады, или уйду.

Вадим бросился разливать водку. Анка предлагает Аки-

мычу что-то из закуски.

Милая! Мне оно не по зубам. То ись по зубам, тока нету их.

ВАДИМ. Иван Акимович, стесняюсь спросить, а сколько вам сейчас лет?

ПАНЫЧ. Сто два. Не путаю, Акимыч?

ВАДИМ. Потрясающе! Я вас видел крайний раз восемь лет назад. Честно сказать, подумал, что уже... *(Поднимает стопку)*. Но теперь я могу от всей души только пожелать вам...

ИВАН АКИМОВИЧ. Отвались, Геринг.

Общий смех. Все выпивают, кроме Вадима, тот остался стоять со стопкой в руке с намерением провозгласить здравницу.

ВАДИМ *(торжественно)*. Я хотел бы, Иван Акимович, в вашем, так сказать, лице высказать наилучшие пожелания и низкий благодарный поклон всем ветеранам Великой отечественной войны, которые отстояли...

ИВАН АКИМОВИЧ. Сказал же, иди н-на!

ВАДИМ *(тушуясь)*. Что?

ИВАН АКИМОВИЧ. То! Уели *(бьет себя по шее ниже затылка)*. Вот оно где. Война, ветеран, поклон и спасибо. Я чего? Кроме войны ничего не делал? Я! *(Крутит пальцем в воздухе)*. Я же ж четырех сынов родил и поднял, в люди вывел. Старшему внуку дом построил. Я фабрикой нашей – туды его в качель! – командовал, ты столь на свете не жи-

вещь. Фабрика была – две сарайки, два десятка ткачих. Я ее вывел – мировой, ёпт, уровень. Приезжали опыт перенимать венгры, югославы. Даже ж грузины! А ты мне – спасибо, ветеран за войну. НужнО мне твое «спасибо»? (*Пауза*). Приезжают на майские кого-то. (*Венику*). Ты же ж и привозил. (*Веник кивает*). На, grit, те Иван Акимыч подарок. А еще, grit, прибавка к пенсии, машина «Ока», но тебе, grit, она не нужна. Я грю, мне помирать. Всем помирать. Вы, грю, тем помогайте, кто Афганистан, Кавказ, много еще где. Или не воевали тоже? Им бы дали, а я себе заработал. Всю жисть работал. (*Вадиму*). А они мне – война! Это ты изобретешь лекарство от сердца, а тебя помнят только, как в детском саду обоссался.

Смех. Вадим несколько обескуражен.

ВЕНИК. Было, было.

ПАНЫЧ. Он и потом прыскал. До самого четвертого этого...

АНКА (*подсказывая*). Класса.

ПАНЫЧ. Щас! Курса! До четвертого курса.

Все смеются, включая Вадима.

ИВАН АКИМОВИЧ. Я же ж и отдохнуть не дурак. И это дело. (*Показывает на бутылку и щелкает себя по кadyку*). Рыбалка – да. Туризм, и такой, и поблядушный. Да... У меня баб было! У вас четверых столько не было. И не будет.

АНКА. Иван Акимыч! Тут, так-то, девушки.

КЕНТ (*Акимуичу*). За это мы, Акимыч, вас и ценим, и при-

мер берем. И поработать, но и отдохнуть. А трудоголиков (*обвиняющий жест на Вадима*) мы не любим!

ПАНЫЧ. Карьеристов топим в Черемшанке.

КАРИНА (*Кенту*). Ой, сказал! Ой, позер! Кто, интересно, работает двадцать четыре на семь? Трудоголиков он не любит.

ИВАН АКИМЫЧ (*смотрит на Вадима, тот налил*). По-техе-час, а работать надо. А то, как в басне, как ее? Забыл, туды в качель!

АНКА. Стрекоза и муравей. Лето красное пропела.

КЕНТ. Не-не-не! Это неправильная басня. Старый толстый Крылов, как всегда, все напутал. На самом деле было по-другому.

КАРИНА. Сто раз рассказывал!

КЕНТ. И каждый раз по-новому. На самом деле это старая тюркская притча, называется... Стрекоз и Муравьян.

КАРИНА (*тихо*). Вариант сто первый.

КЕНТ. Ну, начало как обычно. (*Начинает говорить с азиатским акцентом*). Стрекоз – чувак веселый, на движниках, слышай, то се, бухает, гуляет, все лето пропилил. А брат Муравьян – не-ет! (*Поднимается, обходит диван, стоит сзади всех, упираясь руками в спинку дивана*). Муравьян там фирма своя, строит дом, гараж, запасы, бабло на счету, все дела. Нормально такой, держится. Конкуентов сожрал, властям отслуживил, думает все отлично, осени жду, потом зима – не страшно, не. А Стрекоз балдеет! Муравьян ему: эй,

брат Стрекоз о будущем надо думать, об жизни. А Стрекоз – живу, как хочу, слушай. Мне по приколу! Я твою рутину вертел! Муравьян думает: э-э, совсем дурак. Я-то умный, думает Муравьян. Домой пришел – дом большой, полки ломятся – доволен, включил кино какое-то или концерт. Ходит туда-сюда. Вау! Всего по-богатому. Выпил от радости, потом еще, еще. Покурил чего попало, того другого... Нажрался в итоге, да с табуретки и свалился, плечо сломал. Сверху телевизор на него, на! По роже! Зачем так жить? Больница-шмальница, врач, тоже Муравьян, Геворг Сережичевич, плечо вправил, усики понюхал, анализы там. Э, говорит, проблемка, брат Муравьян, пираблемища! Онкология, брат! Осталось тебе полмуравейника лет, если срочняк не лечиться. Муравьян домой шел, шел, думал: вот я сайгак степной! И что теперь? Брат Стрекоз хоть пожил по-стрекозиному. А мне – неотступный кирдык. Ничего не видел, не кайфовал. И кому все богатчество? Нашел Стрекоза, говорит: давай, брат попилим муравейник, мне ни к чему. (*Обычным голосом*). А мораль басни в том, что морали нет. И Стрекоз по жизни оказался прав.

ВАДИМ. Такой басней себя оправдывают лузеры.

КЕНТ. Возможно. Но кто сказал, что лузер не может быть счастливым?

ВЕНИК. В мой огород камушек?

КЕНТ. Боже упаси! Юрец! В мыслях не было.

ПАНЫЧ. Ну, хочется человеку! Нехай так.

ВЕНИК. Я просто говорил ему тогда... И что? По фиг.
(Обнимает Анку сзади).

ИВАН АКИМОВИЧ. После третьей уйду.

ПАНЫЧ. Посиди, Акимыч. После третьей плохие соседи уходят, хорошие...

КЕНТ. А хороших уносят!

ИВАН АКИМОВИЧ (смотрит на наручные часы на внутренней стороне запястья). Шесть часов. Сейчас моя передача начнется.

КЕНТ. Где хают президента дружеской Америки? Хорошая передача! Я на днях включил случайно, там... (рассказывает Венику и Анке).

ВАДИМ (подсел близко к Паньчу). Ты сказал, дядя Степан умер в связи с телевидением. Что имел ввиду? Не, не хочешь – не говори.

ПАНЫЧ (вздохнув, немного подумав). Ты же знаешь город. Здесь население – украинцы, да немцы. Казахи (кивает на Карину) разбавляют. Папка всегда считал себя украинцем, хоть здесь всю жизнь прожил. (Пауза). Всю недолгую жизнь. (Пауза). Всем остальным, в общем, по барабану, а папка... чувствительный был что ли. И телек. Смотрел, как на работу. Все ждал, когда поменяется там, но там только одно. Накрутил себя, накрутил. Сердце. Мама уже с горя. Через месяц.

Веник и Анка захохотали. Кент стоит с видом человека, выдавшего уморительную шутку и довольного от этого.

ВАДИМ. А ты не думаешь, что на тебя тоже нехилое такое влияние оказала официальная повестка?

Паныч непонимающе вскидывает голову к Вадиму.

Бедный дядь Степан. Давай за помин. И тетя Марина тоже. *(Громко)*. Друзья! Давайте за тех, кого с нами нет.

КАРИНА *(неожиданно Кенту)* А муравьиха?

КЕНТ. В смысле?

КАРИНА. Твой Муравьян к брату Стрекозе пошел, а муравьиха не знает, и как же?

КЕНТ *(после паузы)*. Это я еще не сочинил. Давай, Геринг, разливай, че ты! Акимыч сердится.

Выпивают не чокаясь. Акимыч встает, направляется к выходу.

ПАНЫЧ. Юрка! Не в падлу, закройся.

Веник уходит вслед за Акимычем.

Все! Это был последний грустный момент за сегодняшний вечер. Веселимся. Кураж и копоть!

Веник вернулся вместе с нервным мужчиной средних лет.

6.

ПАНЫЧ *(увидев нового гостя)*. Народ! Рекомендую – мой суррогатный концертный директор. *(Обращаясь к Вадиму)*. Концертов нет, директор есть.

Все вразной приветствуют директора.

ДИРЕКТОР *(Панычу)*. Гуляешь?

ПАНЫЧ. Друг приехал. Восемь лет не виделись, так что

повод железный.

АНКА (*приглашает*). Присаживайтесь.

ДИРЕКТОР (*продолжая стоять*). Спасибо. Значит, гуляешь. (*Кенту*). Здравствуйте, Владимир Сергеевич.

КЕНТ. Здравствуйте.. э-э...

ДИРЕКТОР. Не беспокойтесь, не существенно. (*Паньчу с упрехом*). Что ты делаешь, Антон?

ПАНЫЧ. Выпиваю и закусываю. Присоединяйся.

ДИРЕКТОР (*грустно*). Телефон отключил. Меня подставил. Зачем я пороги оббивал, договаривался?

ПАНЫЧ. Извини. Форс-мажор.

ДИРЕКТОР. Что я? Я переживу, а то, что тебя полгорода ждало на площади...

ВЕНИК. Какие полгорода?

ДИРЕКТОР. А вы бас-гитарист? Вениамин Попов. Я вас не сразу узнал, извините. В том-то и дело, что была договоренность, чтобы Антон выступил на дне города сегодня в восемнадцать часов. Широко не анонсировали. Я как знал! Но слух пробежал, люди ждали. Действительно вспомнили, хотели увидеть... былого кумира. Собралось тысяч несколько. Но тут друг приехал. (*Паньчу*). Антон, мой бы труд пожалел.

ВЕНИК (*Кенту*). Ты понял?

Кент пожимают плечами, начинает увлеченно есть.

ПАНЫЧ. Отойдем и поговорим. (*Поднимается с дивана*). Сейчас, только вылезу.

ДИРЕКТОР. А кто, простите, друг, который приехал?

ВАДИМ (*поднимает руку*). Я.

ДИРЕКТОР. Вы понимаете, что произошло? У Антона могло быть выступление. Да, на «разогреве». Да, у попсы. Но это такой шанс! Я договорился с кадром из администрации этой столичной «звезды», чтобы посмотрели. Может, договорились бы на будущую работу. Меня спрашивают: где ваш рок-н-рольный самородок? А я не знаю. Им все равно, они день города отработают, уедут. Прискорбно это. Телефон отключил, я думал – случилось что-то. (*Печально смеется, крутит головой*). Друг приехал – надо все бросить и забухать. Вы поймите? Это был... такой шанс! Я не говорю о деньгах, деньги смешные. Но какие-то, ведь за квартиру три месяца не плачено. (*Вынимает из кармана лист бумаги*). Достал из почтового ящика. (*Ищет куда бы положить квитанцию, в итоге отдает Венику*). Шанс, знакомство, шоу-бизнес. Зачем я сюда вписался? Шанс, хо-хо! Прискорбно.

ПАНЫЧ (*берет директора под руку*). Пойдем, провожу, на улице поговорим.

ДИРЕКТОР (*Вадиму*). Если вы друг, должны были понимать. И люди ждали! Я думал, не будет этого – а собрались. Им в итоге русско-народный хор по второму кругу.... Хо! Калинку-малинку...

Паныч уводит Директора, который повторяет «такой шанс, такой шанс». Наступило молчание.

Тишина.

КАРИНА (*громко и четко*). Спасибо тебе, Вадик!

ВАДИМ. Я же не знал.

ВЕНИК (*яростно*). А если бы знал?! Если бы знал?!

ВАДИМ (*пытаясь обойти Веника*). Чего ты начинаешь?

Я при чем?

ВЕНИК. А он при чем?! Он не при чем!

АНКА. Юра! Антон сам опоздал. Или забыл, с него стается.

КАРИНА. Ему пить вообще нельзя. К тому же зашитый.

ВАДИМ. Ну, это-то мне откуда знать? Знал бы, коньяк из сумки никогда не достал.

ВЕНИК. А мне кажется наоборот! И как-то вовремя ты появился.

ВАДИМ. Не говори ерунды. Молчал всю дорогу – дальше молчи!

ВЕНИК. Как у тебя все просто! Молчи, и все. Сам приперся, на раз-два все испортил очередной раз. Этот дядя верно базарил – такой шанс! И просохатели. Из-за тебя!

ВАДИМ. Ты себя слышишь?! Я тут с какой стороны?! Какой очередной раз?

АНКА (*тихо Кенту*). А ты, вижу, в курсе про концерт?

Кент утвердительно кивает.

ВЕНИК (*обвиняя Вадима*). А уехал в тот кон?! Паныч что сказал? Без Геринга мы не группа. Кент! Подтверди. Каринка? (*Указывает пальцем на Вадима*). Все и накрылось с твоего бегства. Хорошей жизни захотел! Карьеры! Получил? Что гитариста не нашли бы? Мало в городе музыкан-

тов? Только свистни. Нет. Это другая группа без Геринга. Струны твои поганые! Давай, Тоха, их... Нет! Вадик придет, сыграем еще. А в доме твоём Семенчуки живут. Паныч к ним: не рубите дерево-черемуху, Вадик придет, ему она родная! Байк продал мудака, купил кусок земли, где беседка твоя возле дома – Вадик придет, порадуетя! (*Машет руками*). Вадик порадовался – концерт обломил! Ты не мог завтра объявиться?! А лучше бы вообще не приезжал.

ВАДИМ (*медленно проговаривает*). Я ничего не знал.

Анка толкает Кента.

КЕНТ. Хорош! Вадим не виноват. Концерт так и так отменялся.

КАРИНА. А ты, значит, как всегда, все обо всех знаешь?

КЕНТ. Дай сигарету твою тонкую.

КАРИНА. Ты бросил.

ВЕНИК (*недоуменно*). Вовка! Я один не в теме? Я – левый, да?

КЕНТ. Ты был в командировке, а по телефону.... Зачем по телефону? Сегодня бы и рассказали все. Так что именно по сегодняшней теме Вадим, действительно, не при делах. Зря ты на него набросился.

ВЕНИК. Ничего не зря.

Анка тянет Веника к себе, усаживает на стул рядом. Вадим подходит к окну, смотрит на улицу, потом резко поворачивается.

ВАДИМ. Мы все, я так понимаю, не в восторге от это-

го. У меня тоже есть повод для недовольства. Я пилил сюда не сорок километров, и даже не сто. Думаю – друзья. А тут предьявы! По поводу того, что восемь лет назад было, уже неоднократно обсудили. Последние хвосты решили уже в этом (*он изображает пальцами набор букв в телефоне*). Но мы не списывались и не созванивались давно. Вот я здесь. И? Кто-то спросил меня, где работаю, сколько зарабатываю? Как у тебя, Вадик, с ипотекой? Не-ет! Никто! Никто из вас не спросил, а зачем я приехал? Надолго? Блин! На чем добирался? Никто!

Пауза.

КАРИНА (*медленно, отдельно*). Это тебе кажется, Вадим, что ты приехал. Будто бы из Москвы. Для них, для Антона, ты не просто откуда-то прибыл. У них же восприятие кривое. Для них ты будто бы из комы вышел. Очнулся. Не спрашивают у человека после болезни, как ему было там. Не спрашивают, надолго ли он вернулся в здоровую жизнь.

ВАДИМ (*помолчав*). У тебя такое же восприятие, Карина?

КАРИНА. Я с вами живу большую часть своей жизни.

АНКА. Я спрашивала: как у тебя, Вадим. Но ты сам не ответил. Сказал – нечего рассказывать.

ВАДИМ (*подумал*). Да. Есть такое ощущение. Да. Будто из комы вышел.

КАРИНА. Не ври.

КЕНТ. Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят их гулять по Володарской. (*Щелкнул языком*). Да-

вайте выпьем что ли.

ВАДИМ. Настроение ушло.

КАРИНА. Не ври.

ВЕНИК (*берет бутылку*). Выпить, так выпить.

АНКА (*хнычет*). Юра, не надо. Ты не остановишься, Юра.

Завтра на работу, опять подменяться? Ну, Юр.

Возвращается Паньч.

ПАНЬЧ. Не слышу праздника! Что за тошнотворная тишина?! Брат Веник! Развязываешь? Одобряю. Ну?! Веселее, народ! Шоу маст го он, кураж и копоть! Давай, давай, давай! Праздник продолжается!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же гостиная. Вечер, зажжена люстра и светильник на стене. Карина и Анка сидят на диване. Кент стоит у окна с электронной сигаретой. Дверь в кухню закрыта, из-за нее смутно доносятся голоса.

1.

АНКА (*прислушиваясь*). Ругаются.

КАРИНА. Помирятся. Повод ниочемошный.

АНКА. Юра бесится, что ему ничего не рассказывают. Он очень переживает. Придет домой, в стену смотрит. Я ему: что случилось? Он: «Кент с Паньчем в студии репетировали, меня не позвали». И молчит. Слышишь, Володя?

КЕНТ. Мы не репетировали. Я ни палочки, ни клавиши в руки не брал давным-давно. Сделали только аранжировку на одну старую тему. На две. На несколько.

АНКА. Позвали бы по дружбе.

КЕНТ (*не обратил внимания*). Я не играю. Антон, он весь в этом деле, моя игра попроще. Зря?

КАРИНА. Не зря. За свет и воду не должны, как некоторые.

КЕНТ. Долги погасим. (*Пауза*). Помните? (*Напевает в блюзовой манере*). Да, не сложился наш пасьянс, альянс... ты-ды-ды-дын... пуста рука. Ведь ты играешь на большие ставки в преферанс. Я-а.... подкидного дурака.

Пауза.

КАРИНА (*Анке*). Рожать не надумали?

АНКА. А вы?

КАРИНА. Мужика от друзей может отвлечь ребенок. Но не факт, что так будет, возможно наоборот – мужик совсем пропадет из дома.

АНКА. Надо как-то совмещать. Напрочь от друзей отрывать – плохо.

КАРИНА (*усмехается*). Конкретная ты, Нюрка. Это – хорошо, это плохо. Это – очень плохо, но можно, раз хочется. Или: и плохо, и не хочется, но так сложилось, ничего не поделаешь.

Пауза.

КЕНТ. У Пушкина был сын, который не умел сидеть на

стуле. Откровенно говоря, Пушкин был и сам не мастер сидеть на стуле.

КАРИНА. Тысячу раз рассказывал.

КЕНТ. Тысячу первый проговорю. А потому что абсурд! (*Пауза*). Абсурд – наше все, вся жизнь,... где содержание противоречит смыслу, а смысл не соответствует поиску смысла. Если она, жизнь, конечно, стоящая. Если, конечно,... если ищешь тот дом с золотыми окнами, к которым невозможно прикоснуться, ведь золото – не золото, а лучше и ценнее – целый солнечный отблеск. Лучше, чем золото! Незыблемая данность парадокса. (*Пауза. На кухне замолчали*). Но главное, абсурд – это оружие! Он хлещет ханжей и зануд, как Спаситель гнал фарисеев из храма. Гнать унылых педантов! У них все по полочкам, на каждой полочке – ярлычок. Ханжа интересуется: в чем смысл вашей песни? Чему вы учите? Где воспитательная сила искусства и достоверность? Вон пошел! Дурень. Ты за ущербностью собственной мысли держишься твердых догматов, тебе не понять. Ты боготворишь того, кто для тебя установит традиции, ценности и ритуалы. Эти ненавистники свободы! У них аллергия на всякую живую жизнь. Они зывают: назначьте нам кумиров, идолов, кто будет точкой отсчета. Найдет ханжа универсальное мерило – он счастлив, он целует этот пыльный штангенциркуль. Теперь ему все понятно! Когда вольные люди болеют в сомнениях, в подлунных метаниях, ханжам все предельно ясно, у них ледовая тысячелетняя нравственность. И

не важно, что мораль мутирует в каждом поколении. Нет, они уверены, что штангенциркуль пребывает во веки, он вечен. Он всеяден! На правильно-неправильно поделим, и навесной замок на дверь. Горе тем детям, чьи родители ханжи! Горе тому народу, в котором царствуют догматы. Даже если это самые светлые истины, человек имеет право на сомнение. Сомневайся, человек! Сомнут, заклюют, захейтят, тогда верный путь – абсурд. Надавай лещей ханжам! Только одна опасность, что душнила утащит твой абсурд и хитро переделает его в догмат. Диалектика. Беда! Тогда найди новую нелепицу... Дао, которое может быть названо, это не Дао. А, каково? Абсурдище! Ударят тебя по левой щеке, подставь сразу правую – призыв звенящий, непонятный. Убийственный парадокс! А граф, его сиятельство, Лэйф Толстой? Патриотизм – есть чувство ненужное, вредное, неестественное. В те времена такое сказать! Очень круто. Абсурд рождается там, где ходят гиены въедливых правил, и стая сознательных граждан, следящих за соответствием. Если не соответствуешь правилам, последует ханжеский вой. Сознательные граждане, вам делать больше нечего?! Есть великая фраза: тебе жить. Все! Делаешь поперек? Тебе жить. Желаете непонятного? Тебе жить. Идешь на преступление? Тебе жить. Потом не обижайся. И не лезем. Давайте оставим друг друга в покое.

Пауза.

КАРИНА (*глядя перед собой*). Надо рожать.

КЕНТ. Что до меня, то выбор такой – я не изменю стиль плавания. Только ускорюсь на дистанции.

КАРИНА. В этом выборе весь ты.

Кухонная дверь распахивается, в гостиную в обнимку вываливаются Паньч, Веник и Вадим. Хохоча, они исполняют пародию на танец маленьких лебедей. Паньч уходит в спальню.

ВЕНИК (*громозласно*). Конфликт исчерпан, разрешен в результате субстантивных дипломатических усилий к общему удовлетворению высоких договаривающихся сторон.

АНКА. Такой красноречивый, когда выпьет – ужас. Откуда берется?

ВЕНИК (*Вадиму*). И какие бы замуты вы у себя в ковидной Москве не придумали, мы... я и Антоха останемся невозмутимы, как Будда. Мы будем отстраненные певцы, как британский поэт Робин э-э...

ВАДИМ. Бернс.

ВЕНИК. Робин – дра – нат Тагор! (*Напевает*). Я уплываю, и время несет меня с края на кра-аай. (*Декламирует*). Среди вашей всей мышиной розни и толкотни от края к краю я был отчаянно несерьезен. И несерьезнейше отчаян. (*Анке*) Ань, запиши, я потом отшлифую.

АНКА. Ты бы притормозил с водочкой-то.

ВЕНИК. Я на завтра договорился, Леха меня подменит.

Из спальни в гостиную идет Паньч с небольшой картон-

ной коробкой в руках. Ставит ее на стул.

ПАНЫЧ. Вадик! Спрашивал – вот оно. Наследие. Весь архив группы «Джамбулат против».

ВАДИМ. Уже не актуально. То есть я хотел сказать, за чем записи, когда мы вот они. Живые, здоровые. Талантливые-е...

ВЕНИК. Ты суперодаренный, брат Геринг!

ВАДИМ. Веня! Ты басист от Бога. Джон Дикон! Трухильо!

ВЕНИК *(тянет с сомнением)*. Так-то Трухильо как бы... *(в пренебрежительном жесте крутит кистью руки, морищится)*.

ВАДИМ. Согласен! Поэтому только Юрий Попов из «Джамбулат против».

Вадим снимает свой пиджак со спинки стула, надевает.

ПАНЫЧ. Веня – наикрутейший. Люблю я его! *(Обнимает Веника, целует в макушку)*. Он в детстве жил с родителями в доме напротив. А потом они переехали в особняк.

ВЕНИК. Скажешь – особняк.

ПАНЫЧ. В частный дом. И как-то раз... *(Анке)*. Я тебе, Анка, рассказываю. *(Кенту)*. Наливай, что залип! Как-то раз Юрочка аж оттуда пришел обратно в наш двор, чтобы вызвать меня на дуэль. На прутиках. Притащил с собой прутик. Здравсьте, тетя Марина, а Антон выйдет. Нет, не выйдет. Тогда Юрка пошел обратно. И по пути воткнул шпагу в землю. И чудо – прутик пророс. И вырос в развесистый клен.

А клен это такая зараза, где один – там пятнадцать. Клены разрослись, и вы знаете теперь в том месте – тридцать лет почти прошло – в том месте теперь закоулок, который так и называется – «Клены». (*Вадиму*). Ты когда шараду загадал, я первым делом подумал, что район города, где деньги лежат – это «Клены». Только потом дошло, что «Топаз».

ВЕНИК. Что за шарада?

ПАНЫЧ. О! Это я расскажу. (*Анке*). Расскажу. Тут такая шикарная штука! (*Кенту*). Шикарная? Ты наливать будешь?
Кент разливает водку, девушкам – вино.

АНКА. В теперешнее время маленького ребенка не отпустят одного в такую даль.

ПАНЫЧ. Лет по пять нам было, если не меньше. Дуэль на кленовых прутиках, хм. (*Поднимает стопку*). Давайте за детство. Прекрасная пора.

ВАДИМ. За детство!

Все выпивают.

ПАНЫЧ. Странное дело – клен. Когда маленький, его побег, ну что? Бурьян, сорняк. Выдернуть, выбросить. А вырастает кучерявый – летом тень дает блаженную. Зимой – пургу придержит. Вертолетики с него тр-р-ррр – весело. Но маленький когда, как разобрать в травинке, добрый это росток или нет? Я не отличу. Тут нужен знающий. Садовник разберет. (*Пауза*). Так же и с людьми. Детство, детство, а что вырастет? Знает только садовник. С большой буквы Великий Садовник.

ВАДИМ. Ты о Боге?

ПАНЫЧ. Я... о Боге. Все слова о Боге. В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. Слова, как клены – где один, там их море вырастает. Вон Веник скажет: «Сейчас захаваю пластинку сыра». А на самом деле это слова: «Спасибо, Господи, за хлеб насущный, что я не голодаю, что здоров. Спасибо, Богу, как мы его понимаем».

КАРИНА. Дайте ему гитару.

ПАНЫЧ. Я и сам возьму. *(Достает из-за спинки дивана гитару)*. Слава Богу, что дал мне к музыке способность. Иначе совсем было б хреново.

Паныч играет перебором медленную мелодию. Все слушают. Анка берет у Карины тонкую сигарету, держит ее в пальцах напоказ, трепет Вадима по плечу, зовет его с собой. Вадим и Анка уходят в подъезд.

2.

Лестничная клетка освещена тусклой лампочкой. Дверь в квартиру Паныча закрыта. Анка и Вадим стоят у перил.

ВАДИМ. У меня нет зажигалки. Бросил.

Анка ломает сигарету, выбрасывает в банку из-под кофе, стоящую здесь в роли пепельницы.

Значит, разговор тет-а-тет. Понятно. Твой не заревнует? Он знает, что у нас с тобой было? *(Пауза)*. Крутые времена... Концерты, репетиции. Поклонницы!

Пытается обнять Анку, она отстраняется.

Вспоминаешь? Хоть иногда? Я читал в умной книге, что первого мужчину женщины не забывают.

АНКА (*задумчиво*). Первого. Да. Все девушки мечтают. Представляют первого, первый раз. (*Со злобой*). А я пометать не успела! Мне было двенадцать лет.

ВАДИМ (*неприязненно*). Ты выглядела, мать, гораздо старше!

АНКА. Двенадцать лет, первый секс, и с кем? Один из самых популярных в городе парней. Счастливая ходила два дня, пока не выяснилось, что парень популярный отношений ни разу не планировал. Что ему плевать! Еще одна для галочки. Какой там роман? Животная случка. Сунул-вынул, дальше пошел. Посчитал своим долгом широко рассказать, как он трахнул девку на пляжном матрасе. Широко рассказать! Многим, всем кому мог!

ВАДИМ. Это неправильно. Глупый был, молодой.

АНКА. Двенадцать лет мне было. Кто глупый?

ВАДИМ. Что было, то было. Теперь же все хорошо. Смотрю, ты за столом – семейная дама. (*Пауза*). Чисто курица. А сейчас, гляди-ка – преобразилась.

АНКА. Ты уехал скоро. Что дальше? Ты знаешь, что со мной было потом? А была такая обычная, такая предсказуемая история! Так оно и бывает. Так чаще всего происходит – ты уже не маленькая, Аня! Ты уже шпилишься вовсю, давай. Давай? Давай. Один, второй. А я уже не маленькая! (*Ступает к Вадиму*). Меня кинули, но докажу! Руки под юбкой, че-

го ты ломаешься? Тебе же нравится, давай! Девятый, десятый! Руки задирают футболку, расстегивают джинсы. А вот их уже двое враз! Садись сверху, и коля-митя, а, ты здесь еще ни разу. Хорошо. Ха-ха, компрессия – туго, нормально. А вот уже очередь к Нюрке – она всем дает, безотказная. Геринг-первопроходец открыл колодец, он не жадный, он для всех. Знаешь, как меня трахали? Очень! Мно-го!

ВАДИМ. Я не знал.

АНКА. Во всех саунах, во всех банях! Местные, приезжие, казахи, кавказцы, всех испытала. Все попробовали меня. Меня! Не дашь? Ты чего, шалава!? Пешком пойдешь до города! В машинах всех марок, которые есть, меня! Меня!! Половина подростков этого города стали мужчинами где? На мне! Все импотенты этого города пытались вернуться. С кем же? Ну, да.

ВАДИМ. Ты, наверное, преувеличиваешь.

АНКА. Наверное. (*Сквозь зубы*). Двенадцать лет мне было, Вадик, всего-то двенадцать.

ВАДИМ. Я, типа, виноват? Сама.

АНКА. А, типа, нет? Типа! Тот еще тип, принц оказался. (*Усмехается*). И, типа, телефон, типа, возле матраса.

ВАДИМ. Какой телефон?

АНКА (*после паузы*). Запись, Вадим. Двенадцать лет! Тебе в два раза больше. Тебя посадить – дело пяти минут. Вон, за поворотом ГОВД.

ВАДИМ. Ань, ты чего? Разыгрываешь меня? (*Оглядыва-*

ется). Кто здесь?

АНКА. Не ори. Никаких шуток.

ВАДИМ (*после паузы*). И что дальше?

АНКА. Спасибо Юре. Я ему без конца благодарна – не побрезговал. Добрые твои друзья, Вадик.

ВАДИМ (*с надеждой*). Ты тоже.

АНКА. Город маленький. А Юра.... Зачем ему это? Очень благородный. Ну почему не он тогда оказался? Почему ты? Я была во всех влюблена. Музыканты, рокеры! Почему ты?

ВАДИМ. Так сложилось.

Пауза.

АНКА (*твердо*). Мне нужно уехать. В Москву. Ты в этом поможешь.

ВАДИМ. А если нет? Пойдешь в полицию?

АНКА. Запись, Вадик. Там доказывать ничего не надо, все даты есть. Да и так видно. И, я узнавала, срок давности по таким преступлениям не прошел.

ВАДИМ (*подумав*). Что ты хочешь? Денег?

АНКА. Денег тоже. Москва, какое-то жилье. Съемное, не волнуйся. Работа. Я думаю, в твоих силах это сделать. Да, на дорогу у меня тоже нет.

ВАДИМ. А Юрка? Наш очень благородный Веник?

АНКА. Я его потом заберу. Устроюсь.... И он не должен знать о наших уговорах.

ВАДИМ. Н-да. (*Пауза*). Шантаж. (*Задумался*).

Дверь в квартиру приоткрывается, выглядывает Веник. Его не видят.

Прикольно. Едем, значит, со мной в Москву. Я уезжаю завтра. Успеешь собраться?

АНКА, Успею.

ВАДИМ (*пытается шутить, чтоб сохранить лицо*). Тогда возьмемся за руки по старой памяти и рванули в первопрестольную. Первый мужчина не забывается, так? Я это где-то читал.

АНКА. Не забывается.

Веник тихо возвращается в квартиру.

К несчастью, не забывается.

ВАДИМ. Сделаю. А гарантии?

АНКА. Нет гарантий. Но ты сам понимать должен – женщине инициировать такое дело стремно. В моих интересах избежать. Опять же репутация... сложная. А через два года срок давности кончится сам по себе, и ты можешь быть спокоен.

ВАДИМ. Сделаю. Что могу, сделаю. Я, видимо, и правда, виноват перед тобой. Никогда бы не подумал... Ты тогда извини.

АНКА. Не извиняйся, не получается у тебя.

ВАДИМ. Квартира есть московская. Для другого она, но живи. Денег подкину.

АНКА. Не думай, что дело в корысти. Мне от тебя было бы ничего не надо, но уехать. В городе, где все про всех зна-

ют... ребенок если... В жизни каждый за себя. Зубами, локтями. Мне надо уехать.

ВАДИМ. Уедешь, уедешь. *(Достает из кармана пиджака карточку, протягивает Анке)*. Моя визитка, нижний номер, завтра набери. Теперь у нас исключительно деловые отношения. Этого «Вадик-Вадик» не надо. Только звони не рано, надо проспаться после попойки... и неожиданного наезда. Вот же! Попал под шантаж. Убойный закон бумеранга. Да уж, каждый за себя! *(Заходит в квартиру)*.

3.

Гостиная. Паньч играет на гитаре, рядом на диване сидит Карина, положившая голову на плечо Кента. Веник опрокидывает рюмку и снова наливает, выпивает. Входит Вадим, стремительно направляется туда, где стоит на табуретке картонная коробка. Вадим открывает коробку, перебирает там. На него никто не обращает внимания. Вадим находит один диск, прячет его в карман. Находит еще – прячет.

ПАНЫЧ. Всегда, исполняя эту мелодию, я испытывал некую высокую печаль, но в этот раз чувствую тоже легкую высокую печаль. *(Венику)*. Зачем ты, братуха, накидываешься без всех?

ВЕНИК. Я со всеми тоже буду.

ПАНЫЧ. Вот ты деятельный. *(Убирает гитару за диван)*.
Возвращается Анка в компании человека в очках с тол-

стыми линзами. Человек останавливается, Анка садится рядом с Веником, берет его за руку. Веник с силой вырывает руку, наливает стопку.

А вот и спонсор не заставил себя ждать, нарисовался, как на поминки.

СПОНСОР (с оживленным сожалением). Сорвался. Так-так-так.

ВЕНИК (Паньчу). Что за спонсор? Всех субсидирует? Эй, спонсор! Проходи.

ПАНЫЧ. Это не такой спонсор. В теплом обществе анонимных алкоголиков это наставник.

ВЕНИК (восхищенно). Иди ты!

СПОНСОР (подходя к дивану). Да, Антон... самый чуть-чуть до третьего шага. (Вздыхает). И кодировка не помогла, я предупреждал.

ПАНЫЧ. Ты понимаешь – друг приехал. (Показывает на Вадима). Вон стоит. Настоящий.

КАРИНА (с сарказмом). Что за чудесный парень? Друг приехал – концерт отменил, зрителей кинул, директора подставил. К тому ж раскодировался. Просто красавчик!

ПАНЫЧ. Все по делу, блин, не ори! Ой... (Кенту) Извини, дружище.

КЕНТ. Все по делу. (Карине). Ты в самом деле...

СПОНСОР (Паньчу). Пойдем на кухню.

ПАНЫЧ. А у меня от друзей секретов нет. Это, считай, моя семья.

СПОНСОР. Семья тебе не помогает. Тебе помогает группа. Не друзья дали три месяца воздержания, а наши собрания и Бог, как мы его понимаем. Вспомни, что сказано в нашей книге! Перепоручить нашу жизнь, нашу волю силе более могущественной.

КЕНТ. И теперь нам расскажут всю программу «Двенадцать шагов».

СПОНСОР (*Кенту*). Владимир Сергеевич! Вы, разумеется, человек авторитетный, но есть такие сферы, куда ваше влияние не распространяется. Вам тоже было бы полезно (*достает из кармана разноцветные буклеты, протягивает Кенту*), приходите к нам на собрание. Не понравится – уйдете.

КЕНТ (*убирает руки за спину*). Не надо мне. На кого пошёл, пехота!? Меня вербовать – зовите фельдмаршала! Кто в вашей секте сейчас доктор Боб? И этот еще... Весельчак У.

СПОНСОР. Мы не религиозная организация. Мы добровольное содружество людей, делящихся опытом и надеждой. (*Передает буклеты Венику*). Наша цель оставаться трезвыми и помогать оставаться трезвыми другим.

КЕНТ. Алкоголь и наркотики – химический способ изменить сознание, примитивный. Участие в секте – психологический способ того же, утонченный.

СПОНСОР. «Анонимные алкоголики» не секта. Мы, как сказано в нашей книге, мы духовно выздоравливаем и никогда не высказываем нетерпимости или ненависти.

ВЕНИК (*рассматривая буклеты*). А если есть вселенское желание высказать именно-таки ненависть?

СПОНСОР. Приходите на наше собрание. Глава восьмая нашей книги посвящена отношениям с супругой – женой алкоголика.

Карина смеется, отпивает вино из бокала. Вадим за спиной Спонсора поднимает руку ко рту, как длинный язык, перебирает пальцами.

ВЕНИК. А может лучше... (*опрокидывает стопку*). О! Прошло.

ПАНЫЧ. Я приду на собрание и покаюсь. Все так делают. Сегодня, извиняюсь, зоологическая беззаботность.

СПОНСОР. После срыва нужно писать все сначала. Ты писал сегодня анализ чувств? Отвечал на вопрос, что я делаю сегодня для счастья?

ПАНЫЧ. Я все делаю для счастья. Все равно – андердог.

СПОНСОР. Правильный ответ – сохраняю трезвость. Если утром читать молитву «Боже! Дай мне разум и душевный покой», если пообещать не пить только сегодняшней, один только день, не сорвался бы. Срывы неминуемы, об этом пишет и Билл У., но если контролировать, отмечать признаки срыва...

КЕНТ. Как это все! Неинтересно!

СПОНСОР (*Панычу*). Были? Признаки срыва. Анализировал дефекты характера? Нет? Результат на лицо.

ВЕНИК (*возмущенно восклицает*). Да какие у него дефек-

ты!?

СПОНСОР. Основной – идеализм и мечтательность.

КАРИНА (*смеется*). Мечтательность...

КЕНТ (*берет Спонсора под руку*). Видите ли, уважаемый, в чем дело, э-э, мечтательность для творческой деятельности... Я объясню. Можно вас? (*Уводит Спонсора на кухню*).

Пауза.

Паньч и Анка выпивают. Вадим ходит по комнате. Веник направился в туалет.

КАРИНА (*Паньчу*). Никак не побороть идеализм, мечтатель?

ПАНЫЧ. Вадик! А что ты сегодня сделал для счастья?

ВАДИМ. Кое-что сделал, поверь. Не хотел, а сделал. Аня тоже отработала на своем участке.

КАРИНА (*Паньчу*). Женись на Нюрке. (*Анке*) Ты как, согласна? А Юру отправим к Герингу в Москву. Наша колода бесконечно тасуется.

ПАНЫЧ. Наша кодла и так кошерно тусуется. А ты-то! Что сегодня сделала для счастья?

КАРИНА (*смеется*). Ничего. Я счастья не заслуживаю.

ВАДИМ. Зря ты так! Все заслуживают свой кусочек счастья. (*Пауза*). Надо стараться.

ПАНЫЧ. Стараться! На редкость тупое слово. Постараться вилку взять со стола. (*Анке*). Анка, постарайся взять вилку. (*Анка берет вилку*). Нет! Ты взяла. Ты не бери, а постарайся взять.

Возвращается Веник.

ВЕНИК (*Паньму*). Я не пойму, как ты ходил к анонимным алкоголикам. Сидишь, слушаешь. Очередь дошла, встаешь: «Всем привет, меня зовут Василий. Я – алкоголик». И все такое: «Привет, Антон! Привет, алкаш!». Какая анонимность? В нашем-то колхозе.

ПАНЫЧ. Примерно так. Юрец! А что сегодня для счастья сделал ты?

ВЕНИК. Забил на несчастье.

Карина аплодирует.

Я – нейтральный. Шибко счастливых все ненавидят.

ВАДИМ. Почему?

ВЕНИК. Люди потому что.

Пауза.

ВАДИМ. Слегонца перефразируя не помню кого, скажем, что увеличение общего счастья не влечет уменьшения несчастий. С одной стороны становится больше счастья, с другой – рост темпа несчастий, бедствий и уныния.

АНКА (*задумчиво*). Не было бы счастья, да несчастье помогло.

ПАНЫЧ. Володя бы сказал – диалектика.

ВАДИМ. Если субъективно смотреть, а можно ли строить свое счастье на чужом обломе?

Анка встает из-за стола, уходит к окну, открывает балконную дверь.

Допустимо?

ВЕНИК. Тебе жить.

Пауза.

КАРИНА (*Паньчу*). Тебя спонсор спросил про анализ чувств.

ПАНЫЧ (*помолчав*). Да, утренний. Что я делаю для счастья? Никогда никому не говорил, но для вас, друзья мои, не буду делать исключений. (*Пауза*). У японцев. (*Шутливо Карине*). Это такие умные азиаты, живут под Сахалином. У них есть принцип икигай. Там хрен переведешь с иероглифа, есть разные толкования. А мне нравится такое: икигай – это то, ради чего я просыпаюсь утром. Есть у человека икигай – он, считай, уже счастливый. Я просыпаюсь, чтобы песню написать. Или старую доработать. Больше ничего не надо.

КАРИНА. Да-да, больше тебе ничего не надо.

АНКА (*смотрит на улицу*). Слышите, на площади шумят.

КАРИНА (*Паньчу многозначительно*). Шумят на площади.

АНКА. Поют.

КАРИНА. Кто-то поет. Кто-то не стал. Друг же приехал.

ВАДИМ (*раздраженно*). Да сколько можно!

Из кухни медленно выходит Спонсор. Он шатается, очки висят криво.

СПОНСОР. О-о-о!! Компания! Приве-ет! (*Нетвердой походкой шагает к дивану*). Антоний! Ты такой молодец!

Все смеются, кроме Анки.

ПАНЫЧ. Я так и знал! Развязал! С Кентом наедине! Кого хочешь уболтает.

СПОНСОР. Антоний! Дай я тебя обниму! (*Потянулся к Панычу, отпрынул*). Нет. Фу! Алкашня! Не буду.

АНКА. Напрасно вы это. Вам нельзя.

СПОНСОР (*заплетающимся языком*). Я приду на собрание и покаюсь. Срыв, он и есть срыв. Неожиданно. А доктор Боб предупрежда-ал!

ПАНЫЧ. Такси, может, вызвать?

СПОНСОР. Покаюсь. Покаяние – вещь! Сразу, как новенький.

КАРИНА. Как все у вас просто! Удивительные.

ВАДИМ (*придерживает спонсора под локоть*). Давайте сядем.

СПОНСОР. Ауген блик, майн херр. (*Озирается*). Где у вас можно... блевануть?

Вадим отходит.

ПАНЫЧ. Это я виноват, ага. Хреново вышло. (*Пауза*). Ё-моё! Печально.

Пауза. Смешки.

Анка возвращается за стол.

СПОНСОР (*поправляет очки, трезвым голосом*). Неприятно? Вот и мне неприятно.

Общее удивление.

Ваш друг о себе высокого мнения. Хотел меня напоить, сладко пел. Я уговорился, но выпил стакан воды, незаметно

подменил. А Владимир Сергеевич после стакана водки...

Карина уходит на кухню.

ПАНЫЧ. Ну, ты артист!

ВАДИМ. Кто бы говорил!

СПОНСОР. Сегодня, я так понимаю, все разговоры бессмысленны. Созвонимся. Я пошел.

ПАНЫЧ. Да подожди!

СПОНСОР. На площадь пойду, скоро фейерверк. Бывшая дочурку отпустила на праздник, я игрушку ей пока включил в машине. *(Пауза)*. В каком-то смысле, Антон, хорошо, что ты бездетный. Меньше страданий.

Спонсор пожимает руку Панычу. Потом, подумав, Веннику тоже.

(Венику) Приходите. *(Идет к двери)*.

АНКА. Подождите секунду. Один вопрос... *(Уходит вслед за спонсором)*.

ВАДИМ. Я повелся. Доверчивый стал на старость лет.

ПАНЫЧ. Какая старость лет!? Мы еще!

ВАДИМ *(садится рядом)*. Не успеешь оглянуться. Время когда-то тянулось, дни протекали... солидно. Теперь дни отщелкиваются! *(Щелкает пальцами)*. Недели. *(Щелкает пальцами)*. И годы в ту же корзину.

Пауза.

Паныч разливает, Веник закрывает свою стопку ладонью.

Как говорится, ничего что жизнь проходит. Молодость

кончилась, вот в чем проблема. Кошмар! Что успел? Что сделал? Или не надо ничего делать?

ПАНЫЧ. За долгую молодость!

Выпивают вдвоем. Карина ведет из кухни в спальню пьяного Кента.

Молодость сердца. Банальность.

ВЕНИК. Молодая душа в старом теле это туда-сюда. Беда, когда наоборот!

ВАДИМ. Да, так бывает. *(Панычу)*. Почему не сказал, что пить нельзя?

ПАНЫЧ. Мне – можно.

Возвращается Карина, садится на свое место.

КАРИНА. У Володи тоже – друг приехал. *(Панычу)*. Давно ты записался к анонимным?

ПАНЫЧ *(мнется)*. Да я так...

КАРИНА. Вижу – не помогло.

ПАНЫЧ. Они там все такие. Разговоры, молитвы, чтение вслух. Потом один приходит, говорит, я сорвался. Вторая. Еще кто-то. И так по кругу. Побухал – покаялся. *(Пауза)*. Покаяние – дело отличное. На собрании, в церкви можно. Или прощения попросить у того, перед кем виноват. Это... отмывает. Где-то одному из восьми помогает группа анонимных алкоголиков. Это не мало! Это уже хорошо. Американская, конечно, идея. Она на российской...а в нашем случае на украино-немецкой, армяно-казахской почве, не вполне себе заходит. *(Вадиму)*. Единственное, за что можно уважать ва-

шу западную культуру – что такое отношение. У нас: фи, алкаши! А у них – зависимые. Больные люди. Нормальное отношение, мне по душе. Не хотелось бы запрещать секту анонимных алкоголиков. Польза есть. *(Пауза)*. Или инвалиды! Тоже западная фишка. Ведь в Советском Союзе ни фи-га никто не думал делать пандусы на аптеке. А теперь делают. В каждом большом магазине – пандус. Права инвалидов. *(Усмехается)*. Инвалидное общество входит во всемирную организацию инвалидов. Кто финансирует? Ясно. Я не думаю, что их запретят. Польза. Хотя бы эти дурацкие пандусы. А что пандусы? Сколько сейчас онлайн-сервисов?! Неужели нельзя сделать так, чтобы все доставляли на дом? За скромные деньги.

КАРИНА. И пошел бы в волонтеры. Говорить вы все умельцы.

ПАНЫЧ *(со смехом)*. Упрр-рек спр-раведлив! А еще бы я хотел, чтоб заповедники охраняли международные войска. Приедет министр охотится на краснокнижных животных, а там Ли Си Цин и Педро Гомес стоят с винтарями. Дыщ-дыщ! Разворачивайся! А Иванов-Петров-Сидоров в это время защищают африканских бегемотов. Так и сохранили бы природу на какое-то время.

ВАДИМ. Так и будет.

Пауза.

ВЕНИК *(декламирует без выражения)*. Нет чистоты души. Взять бы специальное мыло. Постирать ее и просушить.

Смыть, позабыть все, что было.

Возвращается Анка, садится на стул рядом с Веником. Тот отодвигается.

КАРИНА (Венику). А дальше?

ВЕНИК. Потом! (*Ищет на столе свою стопку*). Додумаю.

ВАДИМ. Неудобно получилось сегодня. Ты, Веник, прости еще раз. Антон сказал, в мэрии работает. Что водитель – не сказал.

ВЕНИК (*зло*). Шофер! Что не престижно? Не общайся со мной!

ВАДИМ. Что попало говоришь.

ВЕНИК. Для вас цивилизных не престижно. А я почему-то должен смотреть на других. На то, что принято, как надо! Зачем? Живу себе помаленьку. Делаю, че хочу. Чехочу! Знаешь? Зверек такой чехоча, родственник чупокабры. И в силу того, что живу, как чехоча, мне что? Наблюдаю ублюдочный правильный путь. Со стороны, из лодки. А я не туда, мне туда не надо. Пусть каждый делает что хочет! Не в том смысле, что старушку зарубить или телефон у школьника отжать. Но в моменты важного жизненного выбора – слушай чехочу и сердце слушай. (*Пауза*). Если общественно порицаемый поступок, например, кто-то бросает семью, может детей пятерых, работу, дом свой и решает, допустим, растворится в рыбалке, к нему может быть только один вопрос – только один! – ты счастлив? И если да, идите лесом! Пожалел или нет. Получилось или нет. Это главное. А косой взгляд обще-

ства – тьфу! Переживем как-нибудь. Ну, шоферу, и что? А я должен играть в навязанные игры?

ПАНЫЧ. Не должен, Юра. Ты, прежде всего, музыкант.

ВЕНИК. Работал я в офисе. Это чудовищно! Люди, много людей, занимается чем? Ждут. С утра ждут обеда, после обеда – конца рабочего дня. В течение недели ждут выходных, в течение года – отпуска. И в возрасте где-то после сорока – начинают ждать пенсию. Только ждать, жить некогда. Но – офисный статус, не работага какой-нибудь. Кто не начальство смотрите на меня снизу вверх! (*Опрокидывает стопку, загибает хлеб*). Жизнь наша – неискренняя и неистинная – строится не по этике человеческих отношений, а по соревновательной, игровой этике. Шоу-этика. Соревнование всех со всеми. Шоу-этика предписывает рассматривать другого человека как соперника – явного или тайного, предполагаемого, потенциального конкурента. Здесь человечность возможна только к обыгранной стороне, к поверженной. И то не бескорыстно! Нет. А при наличии публики, способной оценить великодушие победителя, при этом положительная публичная оценка также является плюси́ком, лайком, имиджевым дивидендом. Соревнование.... В шоу-этике понимание возможно лишь как искусный маневр, выражение симпатии – как ловкий ход. Любовь?... Тоже ловко! Все союзы и содружества, включая брачные, товарищеские, не говоря уже о служебных, являются ситуационными и разрываются сразу же по прекращении выгодоприобретения. Так и живем. Со-

ревнуемся. Так есть. Если в игре – надо выигрывать. А я не могу, я вне игры. Вы – соревнуйтесь.

Пауза.

Вадим встает, наклоняется к Карине, шепчет ей на ухо. Они вдвоем уходят на балкон.

ПАНЫЧ. Ну, ты, брат, замолол, замолол... (*Достает гитару из-за спинки дивана*).

ВЕНИК. Почему замолол? Соперничество, предательство – что нет их? Да, можно сказать, что соперничество и предательство припаяны к человеческой натуре. Они – в натуре! – были еще у первобытных племен. Во времена крестовых походов... (*Встает*). Конечно! Но тогда человек четко осознавал свои желания. Что надо? Красивую самку и тушу барана! Громкую славу и титул барона. А у современного потребителя в массе своей есть осознанные цели? Мечты, чтобы свои, не навязанные? Да нет. Откуда-то взялась шкала успеха. (*Поднимает руку над головой*). Здесь ты успешный (*опускает руку*), здесь – неудачник. Шоу-этика это постоянный подбор шифра к двери, за которой находится приз. Приз сомнительного значения, смутного применения, но о нем сложилось мнение, что он нужен и желанен. Как возникло такое мнение? Кто его сложил? Надо оно мне тратить время на подбор шифра? Общественной шкале успеха я противопоставлю другую, свою линейку. Линейку радости. Тестер чистой совести. Термометр страсти, чувства,... той же любви. Это – настоящее. Для меня настоящее, а успех... обойдусь

без него. Проживу как-нибудь.

Паньч перебирает струны. Анка сидит, опустив голову.

4.

Карина и Вадим стоят на балконе.

ВАДИМ. Как ты? Карина, мы всегда, насколько мне известно, были взаимно откровенны. Как ты?

КАРИНА (*смотрит с балкона на улицу*). Светомузыка. Если бы этих домов не было, можно увидеть площадь.

ВАДИМ. Полагаю, по услышанным словам и конклюдентным действиям, ты не вполне довольна своей жизнью.

КАРИНА. С чего такой интерес, Вадик?

ВАДИМ. Ты мне всегда нравилась, и, как чуткий человек, наверняка это знаешь.

КАРИНА. Я наверняка знаю, Вадик, что ты тяготился ролью бэк-вокалиста. Неприятно быть на вторых ролях.

ВАДИМ (*мягко*). Я был в тебя влюблен. И уехав отсюда, думал – забыл. (*Берет Карину за руку*). Но сегодня увидел тебя, Карина, все снова вспыхнуло.

Карина высвобождает руку. Молчат.

КАРИНА. Что ты смотришь? Ну, лестно.

ВАДИМ. Что ты здесь делаешь, милая Карина?! В этой глуши! Такой, как ты, в этом городе не место.

КАРИНА (*с улыбкой*). И где же место такой, как я?

ВАДИМ (*запальчиво*). В Москве! В большом городе! Где

жизнь кипит, насыщенная жизнь, светские развлечения, дорогие клубы и рестораны. Автомобили, отели, прислуга. Я представляю тебя в черном вечернем платье, бриллиантовое кольцо на шее, серьги, м-м-м! Тебе жить нужно в мегаполисе, где все это есть.

КАРИНА. Мы думали об этом. Но Володя здесь завязан был, так и не переехали.

ВАДИМ *(тихо)*. А вариант без Володи?

КАРИНА. Как это? *(Притворно возмущаясь)*. Что ты говоришь такое, как не стыдно?

Пауза.

ВАДИМ. Хорошо живете?

КАРИНА *(пожимает плечами)*. Нормально. Как все.

ВАДИМ. С Антоном было хуже? Конечно, иначе бы ты *(тихо, сам себе)* не перешла, как знамя полка.

КАРИНА. Я женщина, Вадик. Баба. Всего-навсего.

ВАДИМ. Ах да! *(Вспоминает)*. Как там? Драть ангелов нельзя, иначе – серный град осыплет спящий град. Как-то так.

КАРИНА. Вот ты сказал. Хотя и это в какой-то мере.

ВАДИМ. С Кентом лучше?

КАРИНА. Вадик! Что ты лезешь в душу?

ВАДИМ. Я не лезу, я представляю тебя в длинном вечернем платье. Карина! Тебе надо в Москву! Поедем! Со мной. То есть, я уеду, а ты приезжай через определенное время – через месяц, через два. А лучше через неделю. Уезжай от-

сюда! Я уехал, не пожалел ни на секунду! И ты... заслуживаешь лучшего!

КАРИНА. Тебя, что ли?

ВАДИМ. Лучшей жизни, я хотел сказать. Поехали!

КАРИНА. Неожиданно.

ВАДИМ. Это для тебя неожиданно, а я сюда приехал за этим. Карина! Если не захочешь, ты можешь со мной ничего не иметь. Все только по твоему желанию. По малейшей прихоти! Сделай усилие, вырвись отсюда! Я тебе помогу, а там смотри сама. Можешь быть в автономном плавании, я это приму, пойму.

КАРИНА. Пьяный гон? Не только у Юрочки фляга свистит.

ВАДИМ. Я трезв. Я трезв и влюблен. Хочу повернуть любимую девушку к блеску и роскоши.

КАРИНА. Блеск и роскошь? Мне привычнее кураж и копоть.

ВАДИМ. Поэтому я тебе и предлагаю. Говорили о счастье, ты сказала, что не делаешь для счастья ничего. Надо сделать. Поверь, ты его заслуживаешь. (*Криво скалится*). Слушай чехочу и сердце слушай! Приезжай. Я не прошу ответа сейчас, подумай, взвесь.

КАРИНА. Ох, Вадик! Еще вчера бы я... ну, не согласилась, но задумалась, умеешь ты уговаривать. Настоящий менеджер. (*Пауза*). А я с кем? Панк-рокеры. (*Делает пальцами «козу»*). Ты уже не тот. Менеджер. Делец, одним словом.

Пауза.

Пойдем в дом, Вадик.

ВАДИМ (*эмоционально*). Я не тот?! Я?! А для чего все это было?! Я заработал, подготовил почву, завел знакомства, вошел в нужные слои, зачем? Я рок-н-ролл никогда не бросал! Музыка! Это – мое! Через три месяца... край – через полгода! Ты услышишь. И ты узнаешь. Эти песни заиграют. Зазвучат! Вот! (*Достает диск из кармана*). Вот! «Джамбулат», подвальный концерт. Лучшее, что у нас было. Концерт уже слышали люди оттуда, я наиграл, сказали – пойдет. Несколько композиций точно. И я исполню! Ты услышишь! Сам себя продюсировать буду, вкладываться на первых порах. Вы услышите!

КАРИНА. Лихо. (*Пауза*). Подстраховался, диск подрезал, чтобы не возникло споров об авторе. (*Пауза*). Круто.

ВАДИМ. Что значит, подрезал? (*Прячет диск во внутренний карман, снаружи прикладывает руку возле сердца*). Коллективное творчество, каждый на него имеет право. Только я работал, пробивал, а кто-то ждет у моря погоды. Такое время, надо себя продвигать. Кто о себе сам не заявит, тот останется, глотает пылинки.

КАРИНА. А Антон?

ВАДИМ. Я его заберу попозже. (*Пауза*). Когда процесс запустится. И потом, я ему денег дал. Довольно крупную сумму. Карина! Каждый за себя, локтями, зубами. Это не прихоть, не игрушки, это путь к мечте. Надо реализовать мечту!

Мне четвертый десяток, а те, кто умер в двадцать семь, они все сделали, вошли в зал славы. Я тоже сделаю, тоже войду. Не сделаю сейчас – пожалею. А я смогу! Мечта, музыка...

КАРИНА. Сволочь ты, Геринг.

ВАДИМ. Косой взгляд общества? Тьфу! Мое любимое дело, мой успех – это главное! Если кто-то пострадал... А никто не пострадал! Никто не умер.

КАРИНА (*грустно*). За этим приехал?

ВАДИМ. Не только, но – да. В основном. Подвальный концерт – это чудо, что такое. Зачем эти песни будут забыты? Пусть их услышат.

КАРИНА. В твоём исполнении!

ВАДИМ. А какая разница в чем? Просто оказалось, что мне нужнее. Только, если ты думаешь, что мне это легко дается, ты не права. Я в какой-то момент передумал. Паныч тащит коробку, а я уже решаю – нет, не возьму. Буду двигать свои сочинялки, чужого не надо. Потом обратно передумал, взял. Когда Антон сказал, что мы его семья, думаю – нет, все! Когда Веник сказал про соревнование всех со всеми – обратно.

КАРИНА. И решил, что песен мало. Дай-ка я у них еще и девку уведу.

ВАДИМ. Карина!

КАРИНА. Бэк-вокал, Геринг. Чужие слова, вечно второй.

ВАДИМ. Ты все понимаешь.

КАРИНА. Я сейчас ребятам расскажу, они тебе морду на-

бьют. Особенно Юрочка.

ВАДИМ (*вздыхнул*). Нет, Карина, не расскажешь. (*Пауза*). Не расскажешь, потому что понимаешь – я, в сущности, прав. И никто никому ничего не набьет. (*Пауза*). Не расскажешь. Потому что сама ушла от пьющего поэта к тоже пьющему, но успешному и богатому. К бизнесмену Кенту. Честно сказать, не ожидал от него. А еще, Карина, ты не хочешь нарушать эту встречу, компанию с посиделками, песнями. Наше иллюзорное братство на один только вечер, на одну только ночь ты не разрушишь.

КАРИНА. Все без тебя уже рухнуло.

ВАДИМ (*морищится*). Вот только не надо! Высокопарных упреков, патетических фраз – не надо. Я прав! Прав? Ну, хочешь, я поклянусь тебе, что вытяну Паныча? Веника! Кента! Когда все пойдет, выдерну к себе.

КАРИНА. Никуда он не поедет. Особенно, к тебе. Антон влюблен в этот город. В его окрестности, в природу. Он символ нашего города, его хранитель. Талисман. (*Пауза*). А жаль.... Да, я не буду нарушать. Эта ночь.... Напоследок. А ты...

ВАДИМ. Как говорят в нашем городе, тебе жить?

КАРИНА. Говорят. (*Резко придвигается к Вадиму*). Уезжай, Вадим! Уезжай! В Москве, Геринг! Сделай, как придумал! Пусть! Пусть звучит, неважно в чьем! Не они, так музыка останется. Что-то останется! Не бормочи: «через месяц, через месяц», делай. Забирай свою славу! Останется память.

Уезжай, слышишь? Только сделай! Спой! Торопись пропеть!
Исполни, сыграй. Пой!

Раздается грохот фейерверка. Огни освещают лицо Карины.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же гостиная. Утро следующего дня. Веник сидит на диване, держась руками за голову. Рядом с ним Карина с ноутбуком на коленях. Она одета в мужскую рубашку и спортивные штаны. На столе – со вчерашнего дня стоят бутылки, посуда.

ВЕНИК. Да не шебурши ты по кнопкам!

КАРИНА. Сильно плохо?

ВЕНИК. Хиросима.

КАРИНА. Похмелился же.

ВЕНИК. Хиросима мозга. Нагасаки желудка. Завязывать поздно, продолжить жутко. Не стоит восхищаться, это не экспромт. Я давно скачу на синей кобыле.

Наливает себе в стопку из бутылки.

Терапевтическую дозу... *(Выпивает, передергивает плечами)*. Запихалось. Включи медленную музыку, Каринка.

КАРИНА. Люди спят еще.

ВЕНИК *(размышляет)*. Разбудить? Не будить. Пусть спят. Яблочком закусить? *(Съедает кусочек яблока)*. У вас много яблоков уродилось в этот год?

КАРИНА *(живо)*. Да! Ты знаешь, такого не было еще. И

деревья молодые, но плодоносят валом. Вы бы взяли ведер несколько, а то пропадет. А мы у вас потом не покупной картопли одолжимся на зиму. (*Резко мрачнеет*). Бог даст, перезимуем как-нибудь.

ВЕНИК. Не прибедняйся.

Из спальни выходит заспанный Кент.

КЕНТ. Юрочка уже похмеляется? Ну, и правильно. (*Потягивает руки и спину*). Какая шляпа эти надувные кровати! (*Направляясь в ванную*). Как ты смотришь, брат Веник, насколько реализуема теория Маркса о коммунизме без частной собственности? (*Закрывает за собой дверь*).

ВЕНИК. Послезавтра. (*Наливает*). Передадут с оказией из внеземной цивилизации. (*Пьет*). Бр-рр! Зашло. (*Предупреждая*). Каринка, сейчас Антоха встанет.

Карина собирает со стола посуду, уносит на кухню. После возвращается, собирает еще, пытается унести бутылку, Веник отбирает, ставит обратно на стол. Возвращаясь из кухни, Карина сталкивается с Кентом, который с мокрыми волосами вышел из ванной.

КЕНТ. А сантехник вчера так и не пришел. Чопик деревянный из трубы торчит.

КАРИНА. Поехали домой. Нам есть о чем поговорить.

КЕНТ. Пора. И домой, и поговорить пора. (*Подходит, садится на диван рядом с Веником*). Как образцовый интеллигент, Юрочка пил с утра водочку, не утруждая свои челюсти закуской.

ВЕНИК. Будешь?

КЕНТ. Я не похмеляюсь до вечера.

ВЕНИК. Как хочешь, ортодоксальный ты наш.

Кент смотрит в монитор ноутбука.

КЕНТ (*Карине*). Ты глядишь? Я уже все изучил. (*Венику*).

Нет, что за мода лечится в Интернете? То коронавирус предупреждали, то еще... Лук надо хавать, чеснок.

ВЕНИК. Мне пилюльки не по сердцу, и лечусь я очень просто: от простуды – водка с перцем, водка с солью от поноса.

КЕНТ. А я не вижу... где наш чудосый Геринг?

КАРИНА (*забирая со стола последние чашки*). Уехал.

КЕНТ. В смысле?!

КАРИНА (*уходя на кухню*). Вызвал такси и уехал.

КЕНТ. Куда?

КАРИНА (*возвращается*). В Москву, в Москву! (*Садится, берет ноутбук*).

Пауза.

КЕНТ. Странно это. А что случилось?

ВЕНИК. Уехал. И Анютку с собой забрал.

КАРИНА. Как?! (*Захлопывает ноутбук*).

КЕНТ. Чего?!!

ВЕНИК. Забрал. Я подслушал – первый мушшина не забывается. (*Наливает*). Истина -броня. Ты знал? А я знаю.

КЕНТ. Да, ладно! Ни че себе, мурлык!

КАРИНА. Ты ничего не попутал?

ВЕНИК. Нет. *(Выпивает стопку).*

КЕНТ. Дела-а... Плескай мне тоже малёха. *(Карине).* Ты сегодня за рулем. *(Венику).* И ты так спокоен?

ВЕНИК. Как сугроб.

КАРИНА. Там все по-другому!

ВЕНИК. Куда уж другое?

Веник наливает, Кент берет стопку.

КЕНТ. Отмочили ребята номер. *(Пьет).*

КАРИНА. Запаска, значит. Переобулся. Ну, Вадик! *(Венику).* Юра! А ты уверен?

ВЕНИК. Куда уж вернее? Там в холодосе я видел ноль семь. *(Встает, уходит на кухню).*

КЕНТ. Ты что-нибудь понимаешь?

КАРИНА. Вариант номер два.

КЕНТ. Не говори загадками, башка – пенопласт.

Возвращается Веник с бутылкой большого объема.

КЕНТ *(Карине).* Ты дай закусить людям.

КАРИНА. Нет ничего. Только ранетки.

КЕНТ. Приготовь.

КАРИНА. Не из чего.

Раздается звонок в дверь.

КЕНТ *(Карине).* Тогда хоть ворота открой. *(Венику).* Пол-стопочки.

Карина идет в прихожую. Веник и Кент выпивают. Карина возвращается в сопровождении двух молодых парней в спецваках. Первый – блондин, в руках у него пластиковый

щик с инструментами. Второй – рыжий, он несет на плечах рюкзак.

БЛОНДИН. Сантехников вызывали?

Рыжий рассматривает афиши на стене.

КЕНТ (*встает*). Вызывали. Там, парни, краник сорвало на трубе. (*Идет к ванной*).

РЫЖИЙ (*оторопело переводит взгляд с афиши на Кента и обратно*). Простите, это вы?

КЕНТ. Нет, я не хозяин. Гость.

РЫЖИЙ. Вы же Кент!

КЕНТ. Кому как. Кому и Владимир Сергеевич.

Карина возвращается на место, берет ноутбук.

РЫЖИЙ (*с восторгом*). Кент! Барабанщик. (*Стучит кулаками в воздух*). Ударник! «Джамбулат против»!

Веник громко хмыкает.

РЫЖИЙ (*Блондину*). Ты понял, да?! (*Кенту*). А что вы вчера? Мы специально на площадь пошли. Вас ждали. Как в те времена, думали: сейчас бомба! И Геринг Родзянко в город приехал. Ща дадут мощи. Как тогда – огонь! А вас и не было, тетки в сарафанах вместо рок-н-ролла.

КЕНТ. Не получилось.

ВЕНИК (*в сторону*). Ну да.

РЫЖИЙ. А можно селфи? (*Достает телефон*).

Веник выдыхает, вибрируя губами.

КЕНТ. Не знаю. Селфи. Я несколько помят. Признаться, вчера усугубили.

РЫЖИЙ. Мне только для сЭбя. Не буду выкладывать.
(Фотографирует себя рядом с Кентом).

ВЕНИК (громко). Накатите, пацаны?

Блондин подходит к столу, берет предложенную стопочку.

БЛОНДИН. И все же непонятно: почему Веник?

ВЕНИК (довольный). А черт его знает! Это с глубокого детства.

БЛОНДИН (выпив). Про Джамбулата я и не спрашиваю.

Кент показал слесарям поломку, вернулся на диван. Из ванной – голоса: «Деревяшкой заткнули», – «А есть кран с собой?», – «На сколько?», – «Прикинь», – «Да, пойдет».

КЕНТ. Клево! Люди-то помнят! Давно меня в правильном качестве не признавали, все чаще «Владимир Сергеевич, жулик Полянский», который наворовал.

ВЕНИК. Кого ты там наворовал?

КЕНТ. Не скажи. В меру возможностей, наглостей и сексуальных сложностей.

БЛОНДИН (выходя из ванной). Я сейчас воду в подвале отключу. Вам срочно не надо?

ВЕНИК. Потерпим. Мы все перетерпим.

КАРИНА. А надолго? Посуду хотела мыть.

БЛОНДИН. Да прям! Тут делов на пять минут.

КАРИНА. Хорошо.

Слесарь-блондин уходит.

КЕНТ (Венику). И Юрочку узнали. Приятно, Юрочка? А

говорил – не тщеславный. Я, говорит, простой шофер.

ВЕНИК. Что началось-то? Нормально же общались.

КЕНТ. Вадика, говорит, видели... Слушай, Юр, а ты не думаешь, что Нюрочка сама? Слабо верится, что Геринг ее уламывал. Зачем?

КАРИНА. Месть за собственную жизнь.

ВЕНИК. Мне – мстить? Мне?! Ане?! Аней – мне?

КЕНТ. Как-то не убедительно. Ерунда. Не мог Вадик.

КАРИНА. Почему ты его выгораживаешь?! Почему ты думаешь, что он так же к вам относится, как вы к нему? Друзья! Тоже мне! Голая симуляция. Кривое, поэтическое изображение. Розовые очки.

КЕНТ. Не замахивайся на то, чего не догоняешь.

Карина идет, берет коробку, стоящую на табуретке со вчерашнего дня. Приносит ее, ставит на стол.

КАРИНА. Проверь! Несколько записей, их не хватает. Он их украл. Забрал по-тихому. Как думаете, зачем?

Возвращается слесарь-блондин, скрывается в ванной.

Для чего он приезжал? *(Подсаживается ближе, говорит негромко)*. Вадим решил раскрутиться. Сам! Без вас! Он хочет выпустить «подвальный концерт». Сам исполнить. С кем-то договорился, ему помогут, протолкнут на публику. А записи забрал, – для этого приехал, – чтобы не было проблем с авторством. Он сам мне говорил – через полгода проявится. С этими песнями. С вашей музыкой! С творчеством Антона. Такие дела.

Кент и Веник переглядываются. Молчат.

Такие друзья!

ВЕНИК (*после паузы*). Если Паныч узнает... нехорошо.

Очень нехорошо, кидок. Геринг... Бабу я ему прощу, друга – никогда.

КАРИНА (*Кенту*). Ты что молчишь?

КЕНТ. Уравнение, икс и игрек. Как сказал Пифагор, проплативший веревку, никак не выйдет.

ВЕНИК. Хармс тут не уместен.

КЕНТ, Я же говорил: абсурд – великое оружие. Никак не выйдет у Геринга. Подвальный концерт уже две недели висит в Интернете, имея сто тысяч просмотров. Теперь уже больше. (*Пауза*). Веселые баллады Паныча записаны, проработаны, скоро появятся в чарте на радио. Денег на радио я зарядил. И уж побольше, чем Вадик. (*Карине*). Помнишь я в командировку ездил? Вот. Геринга ждет жуткий облом.

ВЕНИК (*улыбается*). Я опять ничего не знаю.

КЕНТ. Сюрприз. Там классическое исполнение, твоя ба-суха тоже.

ВЕНИК. Ну, ты жук! Паныч... и молчали!

КАРИНА (*подает Кенту ноутбук*). Показывай. Где?

Кент находит нужный сайт. Звучит музыка. Веник и Карина смотрят на монитор. Блондин появляется из ванной, прислушивается, кивает в такт головой, потом уходит из квартиры.

ВЕНИК. А неплохо, да?

КЕНТ. Что значит неплохо? Мастерски! Гениально. Ударные – да, слышь, «тс-тс»? Тарелочки. Райд... хоп, сплэш. Сейчас отменно, слушай...

ВЕНИК. Бас – круче всего. Это уровень!

КЕНТ. Уровень дна?

ВЕНИК. А барабаны – начальный класс музыкальной школы. Детский сад. Помню, не хотели этого ударника брать. Попросили за него уважаемые люди: возьмите нашего лупня в группу, а то посадят за хулиганку.

КЕНТ. Бас-гитариста взяли по объявлению. Антоха прилепил объявление в сортире на вокзале – сработало.

Слесарь-блондин вернулся, прошел в ванную.

Молодые какие... беззаботные.

ВЕНИК. Увлеченные. Любимое дело. Казалось навсегда.

КЕНТ. Казалось вот-вот, еще немного и нас услышат. И больше-больше! Гастроли по городам и весям. Потом – за граница, вручение «Грэмми», концерт в Монте-Карло.

ВЕНИК. Я почему-то хотел в Японию. Почему – не знаю.

КЕНТ. Подсознательно влиял просмотр порно с японскими школьницами.

ВЕНИК. Наверное. Не без этого.

КАРИНА. Какие красавцы! Все четверо.

ВЕНИК. Антоха – самый лучший.

КЕНТ. Да. Он везет, мы – на подхвате.

КАРИНА. Талант! Таланты!

Пауза. Игрет музыка.

В гостиную выходят слесари.

РЫЖИЙ. Все. Проверяйте.

КЕНТ. Хозяин пусть проверяет. (*Венику*). Юрка! Разбуди

Паныча.

Веник уходит в спальню.

Посмотрели, и хватит. (*Закрывает ноутбук*). С аранжировкой интереснее. (*Карине*). И не забываем ставить лайки!

Заходит Анка с большим фирменным пакетом

АНКА. Я ключом верчу, а там открыто. (*Слесарям*).

Здравствуйте.

Анка бросает на стол связку ключей. Рыжий слесарь толкает Блондина локтем, многозначительно указывает на Анку подбородком.

Яйца, ветчина, нужно поджарить. (*Ставит пакет на пол*).

Курятины взяла для бульона. Юра спит?

КЕНТ. Ты откуда взялась? Из магазина, я вижу. (*Карине*).

Может с записями тоже фуффло?

КАРИНА (*Анке*). Ты не уехала с Герингом?

АНКА. С кем? Куда? Куда я уеду, о чем ты?

Из спальни медленно выходит Веник.

Юра, привет!

КАРИНА. Антон встал? Тут ждут его.

ВЕНИК (*после паузы*). Антон все... умер.

КАРИНА. Что?! Нет!! Бред!

Кент убегает в спальню.

ВЕНИК. Он мертвый, мертвый. (*Садится на корточки*).

Мертвый – холодный, мертвый – ледяной, мертвый – деревянный. Лежит... не живой. Рука синяя.

АНКА. Нет же! Плохо ему! Кодировка! Плохо стало. Надо скорую!

ВЕНИК. Нога – синяя. Лицо – синее, холодное, ледяное.

КАРИНА (*бьет пальцами по телефону*). Как там?! Ноль три?! Сто пятнадцать?!!

БЛОНДИН (*с трубкой возле уха*). Я уже вызываю! Алло! Скорая?.. (*уходит на кухню*).

РЫЖИЙ. Джамбулат против. (*Уходит следом*).

АНКА. Это кодировки все!

Из спальни медленно выходит Кент.

КЕНТ. Стало быть, и все. (*Пауза*). Проспали... Первый пошел.

ВЕНИК (*бормочет*). Первый пошел, первый пошел. Молодые, талантливые, Монте-Карло... Первый пошел, первый всегда. Автор, лидер, всегда вперед.

Анка подходит к Венику, садится рядом на пол.

КЕНТ. Проспали музыканта. Прости, брат Стрекоза, я поздно, поздно, опоздал. Незачем теперь.

Карина подходит к Кенту, берет его за руку.

КАРИНА. Скорую вызвали.

КЕНТ. Поздно.

КАРИНА. Он всегда впереди. Он вместо тебя. Тебе – надо жить. А я буду рядом, уберегу, обниму.

КЕНТ. Прости нас всех...

Двери балкона распахиваются от порыва ветра. Шум сильного дождя. Занавес.